EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Бёз (Beuze) против Бельгии»[1]

(Жалоба № 71409/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

г. Страсбург, 9 ноября 2018 г.

По делу «Бёз против Бельгии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты Суда*,
Ангелики Нуссбергер,
Линос-Александра Сицилианоса,
Анны Юдковской,
Винсента А. де Гаэтано,
Хелены Ядерблом,
Роберта Спано,
Небойши Вучинича,
Пауля Лемменса,
Кшиштофа Войтычека,
Валерия Грицко,
Ксении Туркович,
Эгидиюса Куриса,
Шиофры О'Лири,
Стефани Муру-Викстрём,
Жоржа Раварани,
Латифа Хусейнова,
Йована Илиевски, *судей*,
а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты Суда*,
рассмотрев дело в закрытых заседаниях 15 декабря 2017 г. и 27 июня 2018 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 71409/10, поданной против властей Королевства Бельгия в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Бельгии Филиппом Бёзом (*Philippe Beuze*) (далее – заявитель) 25 ноября 2010 г.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляла адвокат Д. Пачи (*D. Paci*), практикующая в г. Брюсселе. Власти Бельгии были представлены их Уполномоченным при Европейском Суде И. Нидлиспахером (*I. Niedlispacher*), сотрудником Федерального министерства юстиции.

3. Ссылаясь на пункт 1 и на подпункт «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции, заявитель утверждал, во-первых, что он был лишен права на доступ к адвокату в период содержания под стражей в полиции и не получил при этом достаточной информации о своих правах хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя, и, во-вторых, что адвокат не оказывал ему содействия при допросах в полиции, в ходе проводимого следственным судьей дознания и осуществления иных следственных действий в процессе судебного расследования.

4. Жалоба была распределена во Вторую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 25 августа 2014 г. Палата Второй Секции Европейского Суда уведомила власти Бельгии об указанных выше жалобах. В остальной части жалоба была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу согласно пункту 3 правила 54 Регламента Европейского Суда. 13 июня 2017 г. Палата Второй Секции Европейского Суда в составе следующих судей: Ишиль Каракаш, Небойши Вучинича, Пауля Лемменса, Валерия Грицко, Йона Фридрика Кьёльбро, Стефани Муру-Викстрём и Жоржа Раварани, а также при участии Хасана Бакырджи, заместителя Секретаря Секции Суда, – решила уступить юрисдикцию в пользу Большой Палаты Европейского Суда, и ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

6. Заявитель и власти Бельгии представили дополнительные письменные замечания по существу дела. В ходе слушания стороны ответили на замечания друг друга (пункт 5 правила 44 Регламента Европейского Суда). Кроме того, были получены комментарии от третьей стороны, организации «Фэе Трайалз Интернешнл» (*Fair Trials International,* далее – FTI), которой Председатель Большой Палаты Европейского Суда разрешил представить письменные замечания по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Европейского Суда).

[1] Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

[2] Настоящее Постановление вступило в силу 9 ноября 2018 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

7. Открытое слушание по делу состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 20 декабря 2017 г.

В заседании Большой Палаты Европейского Суда приняли участие:

(a) со стороны властей Бельгии:

И. Нидлиспахер, *Уполномоченный Бельгии при Европейском Суде*;

(b) со стороны заявителя:

Д. Пачи, *адвокат*.

Европейский Суд заслушал выступления Д. Пачи и И. Нидлиспахер, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1974 году. В настоящее время он отбывает наказание в виде пожизненного лишения свободы в исправительном учреждении Марш-ан-Фамен (*Marche-en-Famenne*) (Бельгия).

A. ЗАДЕРЖАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ ВО ФРАНЦИИ

9. Заявитель был задержан 17 декабря 2007 г. жандармерией Франции в деревне, расположенной во французском департаменте Нор (*Nord*), и заключен под стражу на основании европейского ордера на его арест, выданного 14 ноября 2007 г. следственным судьей Суда первой инстанции г. Шарлеруа (*Charleroi*) (Бельгия) на основании запроса от 6 ноября 2007 г., направленного королевским прокурором, который выполняет свои функции в данном суде.

10. В европейском ордере на арест указывалось, что заявитель находился в розыске за умышленное убийство своей бывшей подруги М.В., совершенное 5 ноября 2007 г. В ордере отмечалось, что свидетель, который являлся соседом М.В., официально опознал заявителя. В европейском ордере на арест также указывалось на риск повторного совершения заявителем преступления ввиду его истории насилия.

11. Протокол допроса, составленный жандармами Франции в момент задержания заявителя 17 декабря 2007 г., свидетельствовал о том, что заявитель отказался от своего права, предусмотренного статьей 63–4 Уголовно-процессуального кодекса Франции, проконсультироваться с адвокатом по своему выбору или в отсутствие такового с официально назначенным адвокатом.

12. Решением от 21 декабря 2007 г. следственная коллегия Апелляционного суда г. Дуэ (*Douai*) (Франция), установив, что заявитель не отказался от своего права на применение правила конкретности[1], распорядилась передать его судебным органам Бельгии во исполнение вышеуказанного европейского ордера на арест. В ходе разбирательства в следственной коллегии Апелляционного суда заявителю оказывала содействие адвокат А. из коллегии адвокатов г. Дуэ.

B. ВЫДАЧА ЗАЯВИТЕЛЯ ВЛАСТЯМ БЕЛЬГИИ И ЭТАП ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

13. Выдача заявителя властям Бельгии состоялась 31 декабря 2007 г., в 10.40. Затем, с 11.50 до 15.55, его допрашивали сотрудники полиции по расследованию уголовных преступлений.

14. Как следует из протокола допроса сотрудниками полиции, в соответствии со статьей 47bis Уголовно-процессуального кодекса Бельгии (*code d'instruction criminelle*) (см. ниже §§ 62–65) заявитель был уведомлен о том, что он имеет право требовать предоставления ему протоколов всех заданных ему вопросов и его ответов, требовать проведения какого-либо следственного действия или допроса и что его показания могут быть использованы в качестве доказательств.

15. Во время первого допроса заявитель сообщил, что он познакомился с М.В. в начале 2007 года благодаря С.L., которая на тот момент была его подругой. Заявитель признал, что 5 ноября 2007 г. он находился на месте преступления, но отрицал, что совершил убийство. Он утверждал, что потерпевшую М.В. ударил молотком ее 13-летний сын. Заявитель пояснил, что он вмешался и отнял у подростка молоток, но тот продолжал бить свою мать. Заявитель утверждал, что он унес топор, который полиция позднее обнаружила около места преступления, поскольку боялся, что он будет обвинен в связи с наличием у него судимости. Он рассказал, что скрылся с места преступления и прятался в машине, когда прибыли службы экстренной помощи. Заявитель сказал, что он не знал о смерти потерпевшей.

16. В ходе допроса заявителю был задан вопрос по поводу обращения в полицию, которое М.В. сделала 25 октября 2007 г., о том, что заявитель пытался убить ее, совершив наезд. Заявитель пояснил, что он случайно потерял управление автомобилем и, вероятно, ударил М.В., однако отрицал, что имел намерение убить ее, как она утверждала.

17. Следователи сказали заявителю, что они перехватили ряд текстовых сообщений, которые были отправлены родственникам М.В. после ее

[1] Правило конкретности означает, что лицо, в отношении которого был направлен запрос о выдаче или передаче, может подвергаться уголовному преследованию, может быть осуждено или задержано только за то преступление, в связи с которым оно было выдано или передано, либо за деяния, совершенные впоследствии.

смерти с принадлежавшего ему мобильного телефона. Среди этих сообщений было одно соболезнование в связи со смертью М.В. Заявитель отрицал, что он отправлял указанные сообщения.

18. Подробные показания заявителя были зафиксированы сотрудниками полиции в протоколе на восьми страницах. В конце протокола отмечалось, что после допроса заявитель прочитал свои показания и не захотел внести в них исправления или дополнения.

19. Все последующие протоколы с показаниями заявителя содержали те же сведения и были подписаны заявителем. За исключением первого протокола допроса в полиции, копия которого была передана заявителю после дознания, проведенного следственным судьей в тот же день, заявитель получал копии протоколов сразу же после допросов.

20. После допроса сотрудниками полиции по расследованию уголовных преступлений заявитель в тот же день в 16.45 был допрошен следственным судьей Суда первой инстанции г. Шарлеруа. Он подтвердил свои показания следственному судье.

21. На вопрос, заданный следственным судьей в начале процедуры дознания о том, выбрал ли он адвоката, заявитель ответил отрицательно. В конце протокола допроса указывалось следующее:

> «Я, (следственный судья), уведомил его о том, что сообщил об этом заместителю председателя коллегии адвокатов, учитывая, что на данном этапе судебного производства он не назначил адвоката».

22. После дознания, проведенного следственным судьей, которое завершилось в 17.42, судья отметил, что необходимо незамедлительно привлечь к делу психиатра. Он предъявил заявителю официальное обвинение в умышленном убийстве М.В. В тот же день в отношении заявителя был выдан ордер на арест, и он был заключен под стражу.

23. В настоящем деле сторонами не оспаривалось, что заявителю не разрешили общаться с адвокатом с момента его передачи властям Бельгии до окончания срока его содержания под стражей в полиции 31 декабря 2007 г. Ему было разрешено консультироваться с адвокатом в соответствии с применимым законодательством только после того, как следственный судья принял решение о его заключении под стражу (см. выше § 21 и ниже §§ 55–56). Кроме того, несмотря на то, что впоследствии в ходе досудебного расследования адвокат оказывал ему содействие, этот адвокат не присутствовал при допросах со стороны сотрудников полиции, дознании со стороны следственного судьи, а также при проведении других следственных действий на данном этапе судебного производства (см. ниже § 59).

24. 11 января 2008 г. сотрудники полиции по расследованию уголовных преступлений вновь допросили заявителя. Он подтвердил свои предыдущие показания о смерти М.В. и предоставил дополнительную информацию о том, что произошло. Заявитель утверждал, что он действительно видел проходящего по улице человека, который стал свидетелем ударов, нанесенных сыном потерпевшей, и что этого свидетеля сопровождала женщина. Заявитель также признался, что он угрожал свидетелю бутафорским пистолетом, который впоследствии был найден в его машине после его задержания. Когда сотрудники полиции указали на несоответствия в его версии, заявитель признался в том, что в тот момент у него имелся настоящий пистолет, но продолжал отрицать, что он совершил убийство.

25. Ни в протоколе допроса от 11 января 2008 г., ни в других материалах дела нет каких-либо указаний на то, что заявителю действительно был назначен адвокат после уведомления коллегии адвокатов 31 декабря 2007 г. или что он связывался с адвокатом перед допросом.

26. Параллельно с расследованием убийства М.В. сотрудники полиции по расследованию уголовных преступлений допрашивали заявителя четыре раза в период с 6 по 7 марта 2008 г. в связи с участием в «преступном сообществе», занимавшимся угоном автомобилей.

27. При повторном дознании, проводимым следственным судьей 17 марта 2008 г., на вопрос судьи о том, выбрал ли он себе адвоката, заявитель ответил утвердительно и отметил, что общался с адвокатом из Коллегии адвокатов г. Брюсселя. Заявитель был проинформирован о получении результатов психиатрической экспертизы, которая выявила у него антисоциальное расстройство личности. Отвечая на вопрос о фактах, связанных с убийством М.В., заявитель признался, что украл документ из материалов дела, хотя соответствующие органы власти не знали об этом. Впоследствии, повторив, что в смерти М.В. был виновен ее сын, заявитель изменил свою версию событий. Он упомянул о присутствии C.L. на месте преступления в момент нападения на М.В. Он пояснил, что стал свидетелем ссоры между женщинами и что ему пришлось вырвать молоток из рук C.L.

28. 25 марта 2008 г. сотрудники полиции по расследованию уголовных преступлений провели допрос заявителя в целях оценки его психического состояния и особенностей его характера. В тот же день полиция провела второй допрос, касавшийся телесных повреждений, причиненных C.L. 17 сентября 2007 г. заявитель признался, что предложил C.L., которая была беременна, сесть к нему в машину. Он сказал, что ударил C.L. по лицу, чтобы «защитить» ее от возможной встречи с М.В., которая была запланирована в целях кражи мобильного телефона и банковской карты М.В. Он пояснил, что М.В. с помощью сообщника столкнула C.L. в канал.

29. Нейропсихологическая оценка заявителя была проведена 28 апреля 2008 г. и передана следственному судье. Эксперт-психолог пришел к выводу, что заявитель имел ограниченные навыки устной речи, но логическое мышление у него находилось в норме. Эксперт также подчеркнул отсутствие в значительной степени у заявителя сочувствия и общительности.

30. 6 июня 2008 г. на месте преступления была проведена реконструкция событий 5 ноября 2007 г. В ней приняли участие два свидетеля (см. выше §§ 10 и 24). Адвокат заявителя отсутствовал, поскольку законодательство не предусматривало присутствие адвоката во время проведения каких-либо следственных действий (см. ниже § 59). В ходе реконструкции событий заявитель при допросе упомянул, что в соответствующий день на месте преступления находился еще один человек, A.N. Заявитель вновь изменил свою версию событий и сообщил, что он ложно обвинил сына потерпевшей. Он утверждал, что в действительности смертельные удары были нанесены C.L. и что он выстрелил из пистолета для устрашения C.L.

31. В ходе допроса, проведенного в тот же день сотрудниками полиции по расследованию уголовных преступлений, заявитель оспорил показания двух свидетелей в ходе реконструкции событий и подтвердил свою новую версию. В материалах дела отсутствуют доказательства того, что заявитель пытался связаться со своим адвокатом до или после реконструкции событий или допроса, проведенного в тот же день.

32. 8 августа 2008 г. был выдан ордер на арест заявителя, в соответствии с которым компетенция следственного судьи была расширена и охватывала три дополнительных преступления на основании представленных королевским прокурором материалов от 23 мая и 7 июля 2008 г.: покушение на убийство M.B. 25 октября 2007 г. и два преступления, совершенные 17 сентября 2007 г. в отношении C.L., а именно грабеж с применением насилия или угроз и в мошенничестве.

33. 18 августа 2008 г. следственный судья провел дознание по этому поводу. Заявителю повторно предоставили информацию, предусмотренную статьей 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии (см. ниже § 65), он также был проинформирован о своем праве отказаться от расширения объема обвинения и заранее проконсультироваться со своим адвокатом по данному вопросу. Как следует из протокола дознания, заявитель согласился на расширение объема обвинения, тем самым отказавшись от своего права на применение правила конкретности, которое было предоставлено органами власти Франции (см. выше § 12). Он также выразил пожелание, чтобы его адвокат подтвердил его позицию.

34. 5 декабря 2008 г. Королевский прокурор заслушал заявителя по вопросу его согласия на расширение объема обвинения. Заявитель ответил, что хотел бы проконсультироваться со своим адвокатом по этому вопросу.

35. Признав, что заявитель в итоге не дал своего согласия, постановлением от 13 января 2009 г. следственная коллегия Апелляционного суда г. Дуэ приняла решение расширить пределы выдачи заявителя в целях уголовного преследования, приняв во внимание три вышеупомянутых дополнительных обвинения.

36. После завершения стадии судебного расследования постановлением от 31 августа 2009 г. Обвинительной палаты (*Chambre des mises en accusation*) Апелляционного суда г. Монса (*Mons*) заявитель был передан суду присяжных провинции Эно (*Assize Court of Hainaut Province*). Обвинительная палата установила, что имели место серьезные доказательства, свидетельствующие о виновности заявителя, главным образом, с учетом показаний свидетелей, выводов следователей, собранных вещественных доказательств, а также судебно-медицинских и психиатрических экспертиз.

C. ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

37. В начале судебного разбирательства в суде присяжных 1 февраля 2010 г. заявитель при содействии своего адвоката из Бельгии подал ходатайство, в котором требовал признания недействительными протоколов допросов, проведенных в отсутствие юридической помощи и составленных на их основе заключений, а также объявления недопустимым уголовного дела против него. Заявитель утверждал, что отсутствие у него доступа к помощи адвоката в период содержания под стражей в полиции 31 декабря 2007 г. и в ходе последующих допросов и процедур, проводимых в рамках дознания, представляло собой нарушение важного формального требования, непосредственно затрагивающего его право на защиту и тем самым необратимо лишающего ордер на арест юридической силы. Заявитель жаловался на то, что отсутствие доступа к адвокату безусловно причинило ему ущерб.

38. Ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, в частности, на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey) (жалоба № 36391/02, *ECHR* 2008) и на Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (Dayanan v. Turkey) (от 13 октября 2009 г., жалоба № 7377/03), заявитель утверждал, что Европейский Суд установил абсолютный принцип, не допускающий какой-либо оценки в зависимости от обстоятельств дела, учитывая, что ограничение, предусмотренное законодательством Бельгии, имеет общий и обязательный характер и что законодательство Бельгии не соответствует требованиям Конвенции в указанных вопросах.

39. Суд присяжных в промежуточном постановлении, вынесенном в тот же день, отклонил ходатайство заявителя об отказе от уголовного преследования. Прежде всего суд присяжных указал на то, что прецедентная практика Европейского Суда не гарантировала в качестве абсолютного принципа присутствие адвоката на всех этапах производства по уголовному делу начиная с первого допроса, и что Европейский Суд подчеркивал необходимость принимать во внимание производство по делу в целом при оценке того, было ли соблюдено право на справедливое судебное разбирательство. Суд присяжных пояснил, что в принципе право на защиту необратимо нарушается только при наличии инкриминирующих заявлений. Суд присяжных также отметил, что суды не вправе подменять своими оценками решения законодательного органа для устранения недостатков, на которые жаловался заявитель.

40. Что касается применения прецедентной практики Европейского Суда в отношении производства по настоящему делу, суд присяжных пришел к выводу, что в рамках судебного производства во Франции заявитель первоначально отказался от своего права на юридическую помощь. Впоследствии в рамках разбирательства в следственной коллегии Апелляционного суда г. Дуэ заявителю оказывала помощь адвокат. Суд присяжных отклонил утверждение заявителя о давлении со стороны жандармов Франции на основании того, что в ходе одного из допросов (а именно при реконструкции событий на месте преступления, проводимой 6 июня 2008 г., как указано выше в § 30) заявитель дал другое объяснение тому, почему он ложно обвинил сына потерпевшей, предположительно находясь под давлением в момент своего задержания.

41. Относительно производства по делу в Бельгии суд присяжных установил, что заявитель не свидетельствовал против самого себя в связи с предъявленными ему обвинениями, не утверждал, что на него оказывалось какое-либо давление со стороны следователей, не подвергался допросам в состоянии особой уязвимости, свободно выражал свое мнение относительно фактов дела и никоим образом не принуждался давать показания против самого себя, даже имея возможность реализовать свое право хранить молчание. Заявитель мог консультироваться со своим адвокатом после каждого допроса органами полиции и в ходе дознания, проводимого следственным судьей, чтобы обсудить свою защиту, и ему была предоставлена возможность консультироваться со своим адвокатом на всем этапе расследования. Кроме того, в течение двух лет досудебного разбирательства он мог вырабатывать линию своей защиты вместе со своим адвокатом каждый раз, когда он представал перед следственными органами (*juridictions d'instruction*). В указанных случаях он не упоминал о недостатках, которые он позднее обжаловал в суде присяжных.

42. Кроме того, суд присяжных отметил, что заявитель предстал перед ним с учетом признаков его вины, основанных главным образом на материалах, отличных от его собственных показаний (см. выше § 36), и что он воспользовался своим правом требовать выполнения дополнительных следственных действий. Отметив, что внутреннее убеждение присяжных сформировалось в ходе устного разбирательства в суде присяжных, последний пришел к выводу, что права заявителя на защиту были соблюдены и что отсутствовали какие-либо основания признать протоколы допросов/дознания или уголовное преследование недействительными. Таким образом, суд присяжных объявил уголовное преследование допустимым и вынес распоряжение о продолжении производства по делу.

43. Обвинительное заключение, составленное Главным королевским прокурором 23 ноября 2009 г., было оглашено на слушании дела в суде присяжных. На 21 странице были изложены факты дела, как они произошли, следственные действия и их результаты, а также выводы судебно-медицинских экспертиз и информация о прошлой и семейной жизни заявителя. В обвинительном заключении упоминались сведения, которые были признаны заявителем (его присутствие на месте убийства М.В., угроза свидетелю и тот факт, что он находился наедине с C.L. и ударил ее). В обвинительном заключении также воспроизводились различные версии событий, которые заявитель излагал в ходе допросов сотрудниками полиции и дознания, проводимого следственным судьей, с пояснениями, что данные показания не соответствуют фактическим выводам следователей и противоречат показаниям различных свидетелей.

44. По завершении судебного разбирательства 9 февраля 2010 г. присяжные признали заявителя виновным в умышленном убийстве М.В. 5 ноября 2007 г. и в покушении на умышленное убийство C.L. 17 сентября 2007 г.

45. Доводы присяжных были изложены в «мотивировочной части постановления» суда присяжных (*arrêt de motivation*) от той же даты. Это постановление в соответствующих частях гласило следующее:

> «…Присяжные вынесли вердикт по следующим основным причинам.
>
> – Первый и второй вопросы [относительно убийства М.В. 5 ноября 2007 г.].
>
> Присяжные считают решающими последовательные и подтверждающие друг друга показания молодых людей, которые видели только подсудимого и потерпевшую на месте преступления, без присутствия там каких-либо иных лиц, угрозы, ранее высказанные подсудимым в адрес потерпевшей, а также различные меры, принятые Филиппом Бёзом (в частности, тот факт, что он спрятал топор в кустах) при подготовке к совершению преступления.

– Третий и четвертый вопросы [относительно покушения на убийство M.B. 25 октября 2007 г.].

[Признание невиновным].

– Пятый и шестой вопросы [относительно покушения на убийство C.L. 17 сентября 2007 г.].

Присяжные установили, что следующие доказательства подтверждают как фактическое совершение действий, так и намерение совершить убийство, которым руководствовался в своих действиях подсудимый:

– подсудимый умышленно остался наедине с беременной женщиной, будучи осведомленным о том, что она находилась в уязвимом положении;

– он сильно ударил C.L., как следует из медицинских заключений, и оставил ее умирать;

– он скрылся с места преступления, не позвав на помощь, хотя у него имелись для этого средства;

– впоследствии он отправил текстовые сообщения, ясно свидетельствующие о его намерении убить C.L.

Присяжные также придерживаются мнения о том, что действия, совершенные подсудимым перед тем, как он направился в сторону канала по окончании длительной прогулки (имитация спущенной шины, преднамеренная автомобильная авария и т.д.), свидетельствуют о заранее обдуманном намерении».

46. В постановлении от 10 февраля 2010 г. суд присяжных приговорил заявителя к пожизненному лишению свободы.

D. ПРОИЗВОДСТВО В КАССАЦИОННОМ СУДЕ БЕЛЬГИИ

47. Заявитель обжаловал постановления суда присяжных от 1, 9 и 10 февраля 2010 г. по вопросам права. Утверждая, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции в толковании, установленном прецедентной практикой Европейского Суда, он ссылался на право на помощь адвоката и утверждал, что присутствие адвоката в ходе допроса является обязательным в соответствии с Конвенцией.

48. Постановлением от 26 мая 2010 г. Кассационный суд Бельгии отклонил указанное основание для подачи жалобы по нижеследующим основаниям:

«3. Статьи 1 и 2, пункты 2 и 4 статьи 16 и пункт 1 статьи 20 Закона от 20 июля 1990 г. “О предварительном заключении” не предусматривают присутствие адвоката для оказания содействия лицу, находящемуся под стражей в полиции в течение двадцати четырех часов, как установлено пунктом 3 статьи 12 Конституции Бельгии.

Секретность, установленная в первом абзаце пункта 1 статьи 28*quinquies* и в первом абзаце пункта 1 статьи 57 Уголовно-процессуального кодекса Бельгии, по общему правилу исключает участие адвоката в действиях, совершенных в ходе предварительного расследования государственным прокурором, а также в ходе досудебного расследования.

4. Нельзя сказать, что указанные положения сами по себе нарушают право на справедливое судебное разбирательство. Для этого есть две причины. Во-первых, оспариваемое ограничение должно оцениваться в отношении всего комплекса правовых гарантий, предоставленных подсудимому в целях обеспечения эффективной охраны его права на защиту с момента возбуждения уголовного дела. Во-вторых, толкование заявителем статьи 6 Конвенции должно рассматриваться со ссылкой на конституционный принцип законности производства по уголовному делу.

5. С учетом следующих элементов нельзя автоматически установить, что лицо, допрошенное полицией и следственным судьей без помощи адвоката, безвозвратно было лишено права на справедливое судебное разбирательство: формальные требования, предусмотренные для допроса подозреваемого в статье 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии; короткая продолжительность периода содержания под стражей в полиции; немедленная выдача подозреваемого (после уведомления об ордере на арест) всех документов, упомянутых в пункте 7 статьи 16 и в пункте 2 статьи 18 Закона от 20 июля 1990 г.; право лица, которому предъявлено обвинение, немедленно связаться со своим адвокатом в соответствии с пунктами 1 и 5 статьи 20 указанного закона; доступ к материалам дела в соответствии с пунктом 3 статьи 21 указанного закона; присутствие адвоката при повторном дознании, как предусмотрено в пунктах 1, 2 и 3 статьи 22, а также права, изложенные, в частности, в статьях 61*ter*, 61*quater*, 61*quinquies*, 136 и 235*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии.

6. Как правило, пункт 2 статьи 12 Конституции Бельгии не позволяет суду менять формальности производства по уголовному делу, установленные законом демократического государства. Единственным исключением является случай, когда внутригосударственная норма, если она признана несовместимой, может быть отменена без искажения судом правового режима, частью которого она является.

В силу недостаточной точности значение, которое заявитель придает справедливому судебному разбирательству, не может превосходить вышеупомянутый принцип законности, в соответствии с которым расследование, судебное преследование и судебное разбирательство могут осуществляться только в рамках действующих и доступных законов. Указанный вывод не определяет степень, в которой суд должен отменять внутригосударственные законы, чтобы придать судебному разбирательству справедливость в целях статьи 6 Конвенции в соответствии с ее предлагаемым эволюционным толкованием.

Таким образом, ни заявитель, ни прецедентная практика, на которую он ссылается, четко не указывают, было ли бы судебное разбирательство справедливым при единственном условии присутствия адвоката в период содержания под стражей в полиции или было ли необходимо оказать такое содействие на протяжении всех следственных действий.

Право на справедливое судебное разбирательство также предполагает, что ни одна из сторон не должна находиться в более благоприятном или в менее выгодном положении по сравнению с другой стороной. Следовательно, нельзя считать установленным, что судебное разбирательство, в отношении которого проводится судебная проверка, было бы справедливее по смыслу доводов заявителя только потому, что адвокат присутствовал бы в ходе всех допросов заявителя, без предоставления равнозначного преимущества другим сторонам.

7. Следовательно, утверждение о том, что предполагаемое право обвиняемого имеет абсолютный характер, должно быть отклонено. Необходимо конкретно рассмотреть вопрос о том, может ли в свете производства по делу в целом проблема, обжалуемая заявителем, сделать недействительным такое производство по делу.

Представляется, что это не так. Как следует из приведенных ниже выводов оспариваемого постановления [от 1 февраля 2010 г.]:

(i) заявитель не свидетельствовал против самого себя, находясь под стражей в полиции;

(ii) перед первым допросом в жандармерии Франции он прямо отказался от юридической помощи, на которую он имел право в соответствии со статьей 63–4 Уголовно-процессуального кодекса Франции;

(iii) заявителю оказывала содействие адвокат с того момента, как он предстал перед следственной коллегией Апелляционного суда г. Дуэ, и в течение двух лет его предварительного заключения;

(iv) заявитель никоим образом не принуждался к даче показаний против самого себя и всегда свободно выражал свое мнение.

Таким образом, суд присяжных действовал в рамках закона, отказавшись объявить уголовное дело недопустимым».

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БЕЛЬГИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БЕЛЬГИИ ДО ПРИНЯТИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО ЗАКОНА САЛДУЗА В 2011 ГОДУ

49. В соответствующий период роль адвоката при задержании подозреваемого и в ходе досудебного разбирательства в совокупности с гарантиями при допросах в полиции, в ходе дознания, проводимого следственным судьей, а также осуществление иных следственных действий регулировались нижеследующим образом.

1. Задержание и предварительное заключение под стражу

50. Пункт 3 статьи 12 Конституции Бельгии предусматривает, что никто не может быть лишен свободы на срок более одних суток с момента задержания без судебной проверки. Указанный период недавно был продлен до 48 часов путем внесения изменений в статью 12 Конституции Бельгии 24 октября 2017 г.

51. Лицо, в отношении которого существуют серьезные подозрения, создающие презумпцию того, что он совершил преступление, может быть лишено свободы и подвергнуто предварительному заключению (*détention préventive*), которое регулируется Законом от 20 июля 1990 г. «О предварительном заключении».

52. После задержания необходимо составить протокол с указанием времени и обстоятельств задержания, решения и мер, принятых королевским прокурором, способа уведомления и точного времени уведомления лица о принятии решения о задержании (статьи 1 и 2 Закона «О предварительном заключении»).

53. В соответствующий период в течение вышеупомянутого 24-часового срока лицо обычно подвергалось допросу в полиции и первичному дознанию, проводимому следственным судьей, после чего мог быть выдан ордер на арест. Норма, требующая проведения следственным судьей первичного дознания, содержалась в пункте 2 статьи 16 Закона «О предварительном заключении», который до внесения изменений посредством Закона Салдуза (см. ниже §§ 72–77 ниже) гласил:

«(2) Если обвиняемый не скрывается от правосудия и не уклоняется от ареста, следственный судья до выдачи ордера на арест должен допросить указанное лицо о фактах, послуживших основанием для предъявления обвинений и потенциально обосновывающих ордер на арест, и заслушать его показания. Неспособность допросить обвиняемого влечет за собой его освобождение.

Следственный судья также уведомляет обвиняемого о возможности выдачи ордера на арест в целях его заключения под стражу и заслушивает его объяснения в этой связи. Невыполнение указанных условий влечет за собой освобождение соответствующего лица…».

54. Ввиду отсутствия каких-либо указаний в данных положениях Закона «О предварительном заключении», а также ввиду секретности предварительного расследования со стороны полиции и досудебного расследования (согласно первому абзацу пункта 1 статьи 28*quinquies* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии) был сделан вывод о том, что задержанному не мог предоставляться доступ к адвокату в течение рассматриваемого 24-часового периода. Кроме того, задержанный не имел права консультироваться с адвокатом. При этом право свободно общаться с адвокатом предоставлялось только по завершении первого заседания у следственного судьи, которое должно было иметь место в течение один суток с момента задержания (см. ниже § 55).

2. Стадия досудебного расследования

55. Статья 20 Закона «О предварительном заключении», на которой основывалось право свободно консультироваться и общаться с адвокатом, до внесения изменений посредством Закона Салдуза в соответствующих частях предусматривала следующее:

> «(1) Сразу после первого допроса [*sic*] обвиняемый может свободно общаться со своим адвокатом…
>
> (5) Решение следственного судьи об ограничении посещений, переписки и телефонных звонков не затрагивает права обвиняемого в отношении возможностей консультироваться со своим адвокатом…».

56. Данное положение, содержащееся в главе III Закона «Об ордерах на арест, выдаваемых следственным судьей», относится не к первому допросу в полиции, а к первичному дознанию со стороны следственного судьи.

57. В ходе первого заседания следственный судья должен уведомить обвиняемого о его праве выбрать адвоката. Если обвиняемый не выбрал адвоката, следственный судья должен проинформировать об этом председателя коллегии адвокатов или его заместителя (пункт 4 статьи 16 Закона «О предварительном заключении»).

58. Возможность свободно общаться заключалась главным образом в том, что адвокат мог посещать своего доверителя в исправительном учреждении, знакомиться с материалами расследования, предоставляемыми обвиняемому и адвокату на два дня до начала любых слушаний (пункт 3 статьи 21 Закона «О предварительном заключении») и ежемесячно оказывать содействие доверителю в совещательной палате (*chambre du conseil*) суда первой инстанции в целях обсуждения каких-либо серьезных признаков вины и/или необходимости оставления в силе меры пресечения в виде содержания под стражей (четвертый абзац статьи 22 данного закона). Не позднее чем через пять дней после уведомления об ордере на арест и каждый месяц впоследствии либо в случае тяжких обвинений каждые три месяца (первый и второй абзацы статьи 22 данного закона) компетентная совещательная палата должна принять решение о необходимости продления срока содержания под стражей. В ходе этого слушания обвиняемый действует при содействии своего адвоката и вправе ходатайствовать перед следственным судьей о проведении дополнительных действий (пункт 1 статьи 61*quinquies* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии).

59. Право общаться с адвокатом не означало, что последний мог присутствовать на любых последующих допросах в полиции, при проведении дознания следственным судьей или при совершении иных следственных действий на этапе судебного расследования, таких как реконструкция событий или очная ставка. Кассационный суд Бельгии пришел к выводу, что секретность, установленная первым абзацем пункта 1 статьи 28*quinquies* и первым абзацем пункта 1 статьи 57 Уголовно-процессуального кодекса Бельгии, как правило, исключает присутствие адвоката при совершении любых действий в рамках предварительного расследования сотрудниками полиции или досудебного расследования (см. среди прочих примеров постановление Кассационного суда Бельгии от 26 мая 2010 г. по делу заявителя, см. выше § 48).

60. Основное исключение состояло в том, что адвокат мог присутствовать при проведении повторного дознания следственным судьей, как предусмотрено абзацем вторым статьи 22 Закона «О предварительном заключении», который до внесения изменений Законом Салдуза гласил:

> «По ходатайству обвиняемого или его адвоката следственный судья вызывает обвиняемого для проведения повторного дознания за десять дней до каждого заседания в совещательной палате или до вынесения обвинительной палатой заключения по делам, переданным на ее рассмотрение в соответствии с пунктом 4 статьи 31. Секретарь суда должен немедленно уведомить о вызове в суд письменно или по факсу адвоката обвиняемого и королевского прокурора, которые могут присутствовать при проведении указанного дознания».

3. Формальности, которые должны быть соблюдены в ходе допросов и при проведении дознания

61. Пункт 7 статьи 16 Закона «О предварительном заключении» до внесения изменений посредством Закона Салдуза предусматривал, что в протоколе первого дознания в отношении обвиняемого, проводимого следственным судьей, а также в протоколах всех допросов обвиняемого в полиции с момента лишения его свободы до его первой явки к следственному судье необходимо указывать время начала и окончания допроса, а также время начала и окончания любых перерывов. При уведомлении о выдаче ордера на арест копия показаний, данных следственному судье, а также копии других документов, перечисленных в вышеупомянутом пункте 7 статьи 16 названного закона, должны быть переданы обвиняемому в соответствии с пунктом 2 статьи 18 данного закона.

62. Статья 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии дополнительно устанавливала определенные правила, которые сотрудники полиции или прокурор должны были соблюдать при организации любых допросов на этапе предварительного расследования и при оформлении протоколов допросов. Согласно статье 70*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии те же правила применялись к допросу на стадии досудебного расследования, в частности, к дознанию, проводимому следственным судьей.

63. До внесения изменений посредством Закона Салдуза статья 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии гласила:

«В целях проведения допросов любых лиц, допрашиваемых в любом качестве, необходимо соблюдать следующие минимальные правила:

1. В начале любого допроса следует проинформировать допрашиваемое лицо о том, что:

(a) оно вправе потребовать, чтобы все поставленные вопросы и ответы были зафиксированы дословно;

(b) оно вправе ходатайствовать о проведении любого следственного действия или допроса;

(c) его показания могут быть использованы в качестве доказательства в суде…».

64. Явное уведомление допрашиваемого лица о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательства в суде, рассматривалось как косвенное закрепление права хранить молчание в законодательстве Бельгии. Данное право не было прямо предусмотрено в законодательстве Бельгии на соответствующий момент времени, хотя оно являлось одним из прав на защиту и, по мнению Кассационного суда Бельгии, составляло часть общих принципов права (см. постановление Кассационного суда Бельгии от 13 мая 1986 г. по делу «Пасикризи» (Pasicrisie), 1986-I, № 558).

65. Статья 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии также предусматривала, что по окончании допроса допрашиваемое лицо должно было иметь возможность прочитать свои показания, если оно не просит о том, чтобы показания были ему зачитаны. Затем у него следовало спросить, необходимо ли внести в его показания исправления или дополнения. Допрашиваемое лицо было вправе подписать показания или отказаться от их подписания. Оно также могло ходатайствовать о том, чтобы самостоятельно записать их, и просить приложить их к протоколу допроса.

B. РАЗВИТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКИ КАССАЦИОННОГО СУДА БЕЛЬГИИ ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ДЕЛУ «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ»

66. После вынесения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» Кассационный суд Бельгии по ряду дел был призван рассмотреть в делах, касающихся как предварительного заключения, так и уголовного преследования по существу, правовые доводы, основанные на предполагаемом нарушении пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции, ввиду того, что подозреваемому не была оказана юридическая помощь в период содержания под стражей в полиции либо при допросах в полиции или следственным судьей.

67. Кассационный суд Бельгии пришел к выводу, что, хотя законодательство Бельгии не предусматривало доступ подозреваемого к адвокату с момента лишения его свободы, это автоматически не влекло за собой нарушение права на справедливое судебное разбирательство. По мнению Кассационного суда Бельгии, данное ограничение необходимо оценивать с учетом производства по делу в целом и установленных законом гарантий, обычно предоставляемых обвиняемому для обеспечения соблюдения его прав на защиту с момента принятия решения о судебном преследовании. В этой связи Кассационный суд Бельгии указал, в частности, следующие гарантии, предусмотренные законодательством Бельгии:

(a) формальности, установленные для допроса подозреваемого в соответствии со статьей 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии;

(b) краткость срока содержания под стражей в соответствии с пунктом 3 статьи 12 Конституции Бельгии;

(c) незамедлительная передача подозреваемому протоколов его допросов после уведомления об ордере на арест;

(d) право подозреваемого немедленно связаться со своим адвокатом после проведения первого дознания следственным судьей;

(e) доступ к материалам дела до предварительного слушания в суде;

(f) присутствие адвоката при проведении повторного дознания.

68. Затем Кассационный суд Бельгии проверил *in concreto*, давал ли подозреваемый показания против самого себя в отсутствие юридической помощи в ходе первых допросов в полиции и при дознании, проводимом следственным судьей, и, если да, были ли такие показания использованы судом первой инстанции для признания обвиняемого виновным, и в более общем плане – оказало ли первоначальное отсутствие юридической помощи негативное влияние на справедливость судебного разбирательства с учетом производства по делу в целом.

69. Таким образом, в постановлении от 5 мая 2010 г. Кассационный суд Бельгии счел целесообразным при рассмотрении первой жалобы, поданной против такого осуждения, проверить, «оказали ли допросы [обвиняемого] в отсутствие адвоката, проводимые сотрудниками федеральной полиции по расследованию уголовных преступлений… и следственным судьей… какое-либо влияние на проведение судебного разбирательства» (постановление Кассационного суда Бельгии от 5 мая 2010 г. № P. 10.0257.F, а также постановления Кассационного суда Бельгии от 26 мая 2010 г. (по делу заявителя, см. выше § 48) и от 22 июня 2010 г., № P. 10.0872.N).

70. Постановлением от 15 декабря 2010 г. № P. 10.0914.F Кассационный суд Бельгии впервые в связи с нарушением статьи 6 Конвенции

отменил решение суда первой инстанции, которое было основано на показаниях подозреваемого против самого себя, данных сотрудникам полиции в период содержания под стражей в полиции без какой-либо возможности получить юридическую помощь. В ответ на довод апелляционной жалобы с критикой судебного решения за то, что осуждение заявителя было основано, в частности, на показаниях, которые он дал следователям и следственному судье в ходе допросов, проведенных в течение суток после заключения под стражу, Кассационный суд Бельгии, в частности, отметил следующее:

> «Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции… подразумевает, что лицо, задержанное или находящееся под контролем судов, должно пользоваться эффективной помощью адвоката в ходе допроса в полиции, который проводится в течение двадцати четырех часов после заключения соответствующего лица под стражу, если при обстоятельствах конкретного дела не доказано, что существуют веские основания для ограничения такого права.
>
> В той степени, в которой такой доступ к помощи адвоката допускается только после проведения следственным судьей первого дознания, пункт 1 статьи 20 Закона от 20 июля 1990 г. "О предварительном заключении" должен считаться несовместимым со статьей 6 Конвенции.
>
> Справедливость разбирательства по уголовному делу должна оцениваться с учетом производства по делу в целом путем выяснения того, были ли соблюдены права на защиту, имел ли обвиняемый возможность оспаривать подлинность доказательств и возражать против их использования, проверки того, не ставят ли обстоятельства получения доказательств для судебного преследования под сомнение их достоверность или точность, а также с помощью оценки влияния любых незаконно полученных доказательств на исход производства по уголовному делу.
>
> Доказательства в материалах дела свидетельствуют о том, что заявитель оспорил в суде первой инстанции предъявленные ему обвинения в изнасиловании и совершении развратных действий, потерпевшим в результате которых, как он утверждал, являлся первый ответчик, поскольку он, будучи несовершеннолетним, не мог дать законное согласие на совершение характеризуемых подобных образом половых актов.
>
> Для обоснования своего убеждения в виновности заявителя судьи Апелляционного суда отметили, что до своего освобождения следственным судьей подозреваемый постепенно признавался в совершении действий, описанных потерпевшим, до того, как поставить всё под сомнение и добиваться оправдания в суде первой инстанции.
>
> В целях объяснения изменения точки зрения в решении было высказано мнение о том… что заявитель, по-видимому, не осознавал значимости в уголовном законодательстве деяний, в совершении которых он признался, поскольку не знал о том, что оральный контакт также классифицировался как изнасилование.
>
> Таким образом, при даче показаний в период содержания под стражей в полиции и в отсутствие юридической помощи подозреваемый дал показания против самого себя, поскольку не обладал юридическими знаниями, которые позволили бы ему придать его словам другой смысл.
>
> Признание заявителя и мотив для отказа от него оправдывают согласно решению недоверие к утверждениям заявителя о том, что обвинения против него являлись фальсификацией.
>
> Показания против самого себя, данные полиции в течение одних суток после задержания подозреваемым, который в отсутствие адвоката не может, по мнению Апелляционного суда, понять юридические последствия своих слов, были приняты во внимание указанным судом при установлении достоверности обвинения в совершении преступления и, соответственно, при выводе о том, что версия обвинения была доказана.
>
> Будучи основанным на указанных доводах, решение нарушает статью 6 Конвенции».

71. Наконец, следует отметить, что в постановлении от 31 октября 2017 г. № P. 17.0255.N Кассационный суд Бельгии пришел к выводу, что для оценки влияния отсутствия адвоката на допросах в ходе досудебного расследования (допросы, которые были проведены в 2010 году, то есть после вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», но до принятия Закона Салдуза от 2011 года) суд первой инстанции должен был принимать во внимание неисчерпывающий ряд факторов, перечисленных Европейским Судом в Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (Ibrahim and Others v. United Kingdom) от 13 сентября 2016 г., жалоба № 50541/08 и три другие жалобы[1], § 274).

C. ЗАКОН САЛДУЗА И ЗАКОН САЛДУЗА*BIS*

72. Реформа законодательства Бельгии началась с принятия Закона от 13 августа 2011 г. (далее – Закон Салдуза), который вступил в силу 1 января 2012 г., внося изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Бельгии и в Закон Бельгии от 20 июля 1990 г. «О предварительном заключении». Соответствующие положения были вновь изменены Законом от 21 ноября 2016 г. «О некоторых правах лиц в ходе допроса» (далее – Закон Салдуза*bis*), который вступил в силу 27 ноября 2016 г. Указанным новым законом в законодательстве Бельгии были изменены положения Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза 2013/48/ЕС «О праве на доступ к адвокату в уголовном производстве и в производстве по европейскому ордеру на арест,

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (*примеч. редактора*).

а также о праве на уведомление третьей стороны при лишении свободы и на общение с третьими лицами и консульскими органами при лишении свободы» (OJ L 294, 2013, p. 1, см. ниже § 82).

73. Согласно пункту 2 статьи 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии в редакции Закона Салдуза любое лицо, допрашиваемое в качестве подозреваемого, при условии, что потенциальные обвинения касаются преступления, которое может оправдать выдачу ордера на арест, имеет право на конфиденциальную консультацию с адвокатом перед первым допросом. Закон Салдуза*bis* дополнительно предусматривает возможность сопровождения адвокатом подозреваемого в ходе допроса.

74. Пункт 2 статьи 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии в редакции Закона Салдуза также предусматривает, что перед допросом подозреваемый должен быть проинформирован о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств и что он не может быть принужден свидетельствовать против самого себя. Закон Салдуза*bis* дополнительно устанавливает, что подозреваемый после подтверждения своей личности вправе по своему выбору давать показания, отвечать на заданные ему вопросы либо хранить молчание.

75. В отношении лиц, содержащихся под стражей, статья 2*bis* Закона «О предварительном заключении» в редакции Закона Салдуза предусматривает, что полиция или судебные органы должны предоставлять задержанному возможность осуществить свое право на предварительную консультацию с адвокатом по его выбору или с дежурным адвокатом, назначенным коллегией адвокатов.

76. В соответствии с указанной статьей лица, находящиеся под стражей, также имеют право на юридическую помощь при допросе сотрудниками полиции или судьей в течение одних суток после их задержания.

77. Функции адвоката в ходе допроса заключаются в обеспечении защиты прав его доверителя. Закон Салдуза*bis* расширил данные функции, в частности, в целях предоставления адвокату возможности вмешиваться, чтобы ходатайствовать о проведении следственных действий или запрашивать разъяснения в дополнение к возможности делать комментарии.

D. ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

78. Статья 442*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии предоставляет осужденным право обращаться в Кассационный суд Бельгии с ходатайством о возобновлении производства после вынесения постановления Европейского Суда, которым устанавливается нарушение Конвенции. Соответствующее положение данного кодекса гласит:

> «Если вступившим в силу постановлением Европейского Суда по правам человека установлено, что имело место нарушение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод или Протоколов к ней… может быть подано ходатайство о возобновлении, исключительно в отношении уголовных дел, производства, которое завершилось осуждением заявителя в деле, рассматриваемым Европейским Судом по правам человека, или осуждением иного лица за такое же преступление на основании таких же доказательств».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

A. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Право на получение информации

79. 22 мая 2012 г. Европейский союз принял Директиву Европейского парламента и Совета Европейского союза 2012/13/ЕС «О праве на информацию в уголовном производстве» (OJ L 142, p. 1). Как следует из пунктов 14 и 18 Преамбулы к данной директиве, она основывается на правах, изложенных в Хартии Европейского союза об основных правах (далее – Хартия), в частности, на ее статьях 6, 47 и 48, базирующихся на статьях 5 и 6 Конвенции в толковании Европейского Суда. Кроме того, указанная директива прямо закрепляет право на информацию о процессуальных правах, как «следует из прецедентной практики» Европейского Суда (пункт 18 указанной Преамбулы).

80. В статье 1 Директивы 2012/13/ЕС разъясняется, что право на информацию понимается в двух аспектах: как информация о процессуальных правах и о выдвинутых обвинениях. Согласно пункту 1 статьи 2 указанной директивы она применяется с того момента, когда лицам стало известно от компетентных органов государства – члена Европейского союза о том, что они подозреваются или обвиняются в совершении уголовного преступления. Этим лицам незамедлительно должна быть предоставлена информация как минимум о пяти процессуальных правах, перечисленных в пункте 1 статьи 3 данной директивы, а именно о правах на доступ к адвокату, на бесплатную юридическую консультацию, на информацию об обвинении, на письменный и устный перевод, а также о праве хранить молчание. Пункт 2 статьи 8 указанной директивы предусматривает, что подозреваемые должны иметь право обжаловать непредоставление требуемой информации в порядке, предусмотренном законодательством государств – членов

Европейского союза. Директива, соответствующие положения которой еще не являлись предметом толкования Судом Европейского союза (далее – Суд ЕС), не затрагивает вопроса о том, как следует поступать с доказательствами, полученными до информирования подозреваемого о его процессуальных правах, в рамках последующего производства по уголовному делу.

81. Директива 2012/13/ЕС, инкорпорирование которой в право государств – членов Европейского союза должно было завершиться не позднее 2 июня 2014 г., применяется ко всем этим государствам, за исключением Дании.

2. Право на доступ к адвокату

82. Вышеупомянутая Директива 2013/48/ЕС устанавливает минимальные правила, касающиеся права на доступ к адвокату в уголовном производстве и в производстве по европейскому ордеру на арест. При этом она поддерживает применение Хартии, в частности, ее статей 4, 6, 7, 47 и 48, основывающихся на статьях 3, 5, 6 и 8 Конвенции в толковании Европейского Суда (пункт 12 Преамбулы к указанной директиве). В Преамбуле к данной Директиве со ссылкой на прецедентную практику Европейского Суда поясняется, что, если иное лицо, кроме подозреваемого или обвиняемого, например, свидетель, становится подозреваемым или обвиняемым, такому лицу должна быть предоставлена защита от дачи показаний против самого себя и право хранить молчание. В подобных ситуациях допрос правоохранительными органами немедленно приостанавливается и может быть продолжен только в том случае, если соответствующее лицо уведомлено о том, что оно является подозреваемым или обвиняемым и может в полной мере воспользоваться правами, предусмотренными в указанной Директиве (пункт 21 к Преамбулы к данной директиве). Кроме того, государства – члены Европейского союза гарантируют право подозреваемых или обвиняемых на то, чтобы их адвокат присутствовал и фактически участвовал при их допросах в полиции, иных правоохранительных или судебных органах, в том числе в ходе судебных слушаний (пункт 25 Преамбулы к данной директиве).

83. Согласно пункту 1 статьи 2 Директивы 2013/48/ЕС гарантированные в ней права применяются

> «к подозреваемым или обвиняемым… с того момента, когда им стало известно от компетентных органов… на основании официального уведомления или иным образом о том, что они подозреваются или обвиняются в совершении уголовного преступления, и независимо от того, были ли они лишены свободы».

84. Статья 3 Директивы 2013/48/ЕС под названием «Право на доступ к адвокату в уголовном производстве» гласит следующее:

> «1. Государства – члены ЕС гарантируют, что подозреваемые и обвиняемые имеют право на доступ к адвокату в такое время и таким способом, которые позволят заинтересованным лицам практически и эффективно осуществлять свои права на защиту.
>
> 2. Подозреваемые или обвиняемые должны иметь доступ к адвокату без необоснованной задержки. В любом случае подозреваемые или обвиняемые должны иметь доступ к адвокату начиная со следующих событий в зависимости от того, что наступит ранее:
>
> (a) перед допросом со стороны полиции, иного правоохранительного или судебного органа;
>
> (b) при проведении следственными или иными компетентными органами следственных или иных действий по сбору доказательств в соответствии с подпунктом «c» пункта 3 настоящей статьи;
>
> (c) без необоснованной задержки после лишения свободы;
>
> (d) если такие лица были вызваны в суд, обладающий юрисдикцией в отношении уголовных дел, – в надлежащий срок до явки в соответствующий суд.
>
> 3. Право на доступ к адвокату охватывает следующие элементы:
>
> (a) государства – члены ЕС гарантируют, что подозреваемые или обвиняемые имеют право встречаться наедине и общаться с адвокатом, представляющим их интересы, в том числе перед допросом со стороны полиции или иного правоохранительного или судебного органа;
>
> (b) государства – члены ЕС гарантируют право подозреваемых или обвиняемых на то, чтобы их адвокат присутствовал и фактически участвовал при их допросах. Такое участие должно осуществляться в порядке, предусмотренном законодательством государства – члена ЕС, при условии, что такой порядок не затрагивает эффективное осуществление и сущность соответствующего права. Если адвокат участвует при проведении допроса, факт такого участия отмечается с использованием процедуры протоколирования согласно законодательству соответствующего государства – члена ЕС;
>
> (c) государства – члены ЕС гарантируют право подозреваемых или обвиняемых как минимум на то, чтобы их адвокат присутствовал при проведении следующих следственных действий или действий по сбору доказательств, если такие действия предусмотрены законодательством государства – члена ЕС и если подозреваемый или обвиняемый должен или может присутствовать при проведении:
>
> (i) процедуры опознания;
>
> (ii) очных ставок;
>
> (iii) реконструкции событий на месте преступления.
>
> 4. Государства – члены ЕС стремятся к тому, чтобы обеспечивать доступность общей информации в целях содействия предоставлению подозреваемым или обвиняемым адвоката.

Несмотря на положения законодательства государства – члена ЕС об обязательном присутствии

адвоката, государства – члены ЕС должны принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы подозреваемые или обвиняемые, которые лишены свободы, могли эффективно осуществить свое право на доступ к адвокату, если они не отказались от такого права в соответствии со статьей 9 настоящей директивы…

6. В исключительных обстоятельствах и только на стадии досудебного производства государства – члены ЕС могут временно отступать от применения прав, предусмотренных в пункте 3 настоящей статьи, в той степени, в которой это оправдано в свете конкретных обстоятельств дела при наличии любого из следующих веских оснований:

(a) в случае крайней необходимости предотвратить серьезные неблагоприятные последствия для жизни, свободы или физической неприкосновенности лица;

(b) если немедленные действия следственных органов необходимы для предотвращения существенной угрозы уголовному производству».

85. В пункте 2 статьи 12 указанной Директивы рассматривается вопрос о средствах юридической защиты и предусматривается, что без ущерба внутригосударственным нормам и системам допустимости доказательств государства – члены Европейского союза должны гарантировать соблюдение прав на защиту и справедливость уголовного разбирательства в рамках производства по уголовному делу при оценке показаний подозреваемых или обвиняемых либо доказательств, полученных в нарушение их права на помощь адвоката, а также в случаях, когда отступление от данного права допустимо согласно вышеупомянутому пункту 6 статьи 3 данной директивы.

86. Директива 2013/48/ЕС, инкорпорирование которой в право государств – членов Европейского союза должно было завершиться не позднее 27 ноября 2016 г., применяется ко всем этим государствам, за исключением Соединенного Королевства, Ирландии и Дании.

B. МЕЖДУНАРОДНОЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

87. Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее – Пакт) гарантирует право на справедливое судебное разбирательство. Подпункт «d» пункта 3 статьи 14 Пакта предусматривает, в частности, что каждый при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника. Если лицо не имеет защитника, оно вправе быть уведомленным об этом праве и иметь назначенного ему защитника в том случае, когда того требуют интересы правосудия, безвозмездно для лица в том случае, когда у него нет достаточно средств для оплаты помощи этого защитника.

88. В ряде дел Комитет по правам человека ООН устанавливал нарушение подпункта «d» пункта 3 статьи 14 Пакта в связи с непредоставлением достаточной информации обвиняемому о его праве иметь защитника (см., например, Решения Комитета по правам человека ООН по делам «Саидова против Таджикистана» (Saidova v. Tajikistan), 2004 год, № 964/2001, и «Хорошенко против Российской Федерации» (Khoroshenko v. Russian Federation), 2011 год, № 1304/2004).

89. Европейский Суд также сослался на иные документы международного и сравнительного права, указанные в вышеупомянутом Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 218–233.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПУНКТА 1 И ПОДПУНКТА «C» ПУНКТА 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

90. Заявитель утверждал, что лишение его доступа к помощи адвоката в период содержания под стражей в полиции без предоставления ему достаточной информации о его праве хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя, а также тот факт, что адвокат не присутствовал в ходе последующих допросов в полиции, процедур дознания, проводимого следственным судьей и при осуществлении иных следственных действий на стадии предварительного расследования, нарушали его право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 и подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Указанные положения Конвенции гласят следующее:

«1. Каждый… при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела… судом…

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

…(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия».

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

91. Европейский Суд считает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «a» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям.

Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(a) Заявитель

92. Заявитель жаловался на то, что адвокат не присутствовал при его допросе сотрудниками полиции Бельгии 31 декабря 2007 г., когда он находился под стражей в полиции, а затем следственным судьей. По его мнению, факт получения им юридической помощи в ходе производства по делу во Франции не имел значения, поскольку указанное производство касалось исполнения европейского ордера на арест, а не преступлений, в совершении которых ему были предъявлены обвинения в Бельгии. Ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, в частности, на упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции» и «Даянан против Турции», заявитель утверждал, что отсутствие адвоката на данной стадии судебного производства следует из применения законодательства Бельгии, которое на момент производства по делу в отношении него не соответствовало требованиям указанной прецедентной практики, поскольку в силу секретности судебного расследования оно не предусматривало оказания юридической помощи находящемуся под стражей лицу до вынесения следственным судьей решения о предварительном заключении.

93. Поскольку статья 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии не предусматривала уведомление подозреваемого о его праве хранить молчание, отсутствие адвоката в ходе допроса и дознания 31 декабря 2007 г. означало, что заявитель не был специально проинформирован о данном праве, а также о праве не свидетельствовать против самого себя. Ввиду его ограниченных интеллектуальных способностей заявитель не мог самостоятельно сделать вывод о наличии права хранить молчание на основании предупреждения о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств. Кроме того, хотя заявитель подписал протокол допроса, в котором содержалось предупреждение о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств, в отсутствие помощи адвоката нельзя было гарантировать, что данное предупреждение действительно было зачитано ему перед проведением допроса.

94. Заявитель отмечал, что, хотя прецедентная практика Кассационного суда Бельгии развивалась положительным образом с учетом упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», Кассационный суд Бельгии так и не пришел к выводу о том, что законодательство само по себе влечет нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, только после принятия Кассационным судом постановления от 15 декабря 2010 г. (см. выше § 70) и, следовательно, после рассмотрения дела заявителя Кассационный суд Бельгии отменил решения судов первой инстанции, основанные на самообличающих показаниях подозреваемых, которые были даны ими в ходе первичных допросов в отсутствие адвоката.

95. По мнению заявителя, отсутствовали веские основания, и такие основания даже не приводились для лишения его права на помощь адвоката. В период, относившийся к обстоятельствам дела, ограничение права на доступ к адвокату являлось правовой нормой и применялось в ходе всего предварительного расследования. В деле заявителя не было проведено какой-либо индивидуальной оценки, а также отсутствовала насущная необходимость защищать лицо от серьезного ущерба для его жизни или свободы или причинения ему серьезной травмы.

96. Как подтвердил Европейский Суд в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», при отсутствии веских оснований существует презумпция нарушения статьи 6 Конвенции. Неуведомление лица о праве хранить молчание и о праве не свидетельствовать против самого себя еще более осложняет для властей государства-ответчика опровержение данной презумпции (см. *ibid*., § 273).

97. По мнению заявителя, на основании приведенной им прецедентной практики для того, чтобы признать нарушение требований статьи 6 Конвенции, достаточно установить, что имело место общее и обязательное ограничение доступа к юридической помощи на законодательном уровне, даже если подозреваемый отрицал обвинение или воспользовался своим правом хранить молчание. Заявитель отметил, что Европейский Суд придерживался подобного подхода в ряде рассмотренных им дел (см. Решение Европейского Суда по делу «Бугламе против Бельгии» (Bouglame v. Belgium) от 2 марта 2010 г., жалоба № 16147/08, Решение Европейского Суда по делу «Симонс против Бельгии» (Simons v. Belgium) от 28 августа 2012 г., жалоба № 71407/10, Постановление Европейского Суда по делу «Навон и другие против Монако» (Navone and Others v. Monaco) от 24 октября 2013 г., жалоба № 62880/11 и две другие жалобы, и Постановление Европейского Суда по делу «Борг против Мальты» (Borg v. Malta) от 12 января 2016 г., жалоба № 37537/13).

98. Хотя упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» позволило властям государства-от-

ветчика убедительно доказать, что справедливости судебного разбирательства в целом не был причинен непоправимый ущерб вследствие ограничения доступа к юридическим консультациям, при наличии законодательного ограничения такая возможность может быть предоставлена только в исключительных случаях с учетом конкретных обстоятельств дела.

99. Между тем заявитель утверждал, что ограничение его права на юридическую помощь причинило непоправимый ущерб справедливости судебного разбирательства против него в целом. Данный вывод следует из анализа некоторых критериев, перечисленных в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». Во-первых, заявитель отмечал, что он находился в особенно уязвимом положении вследствие его содержания под стражей и что это усугублялось его ограниченными навыками устной речи. Далее он указал, что отказ от ранее данных показаний и противоречивые показания, как в настоящем деле, могут иметь неблагоприятные последствия для обвиняемого, особенно если они используются для признания того, что подозреваемый изменил свою версию событий. Кроме того, поскольку следственный судья после завершения дознания, 31 декабря 2007 г., назначил проведение психиатрической экспертизы, заявитель подверг сомнению тот факт, что его состояние было удовлетворительным для проведения допроса. Он утверждал, что, хотя основания его осуждения напрямую не воспроизводили его показания, в обвинительном заключении, ключевом документе, который был зачитан присяжным в начале судебного разбирательства и передан им, достаточно подробно цитировались его показания в ходе допросов и дознания. Некоторые выводы присяжных были сформированы на основе, например, таких показаний, как о том, что заявителю было известно о беременности C.L. и что он ударил ее. Наконец, по мнению заявителя, было целесообразно отметить, что, как следовало из протокола судебного заседания от 1 февраля 2010 г., председатель суда присяжных не предупредил присяжных о том, какое значение они должны придавать различным показаниям заявителя при обсуждении дела.

(b) Власти Бельгии

100. Власти Бельгии признали, что в результате применения внутригосударственного законодательства, действовавшего в период, относившийся к обстоятельствам дела, заявитель не имел возможности проконсультироваться с адвокатом, находясь под стражей в полиции, и адвокат не присутствовал при последующих допросах, в ходе дознания, а также при реконструкции событий. Однако нельзя автоматически сделать вывод о том, что судебное разбирательство по делу заявителя было несправедливым. Необходимо оценить общую справедливость производства по делу в соответствии с правовыми позициями и прецедентной практикой Европейского Суда, которые, как было подтверждено в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», свидетельствовали о том, что право на помощь адвоката не является самоцелью.

101. В настоящем деле данная оценка включала в себя, во-первых, проверку производства по делу на его ранних этапах. По мнению властей Бельгии, в качестве исходного момента применения гарантий, перечисленных в статье 6 Конвенции, следовало рассматривать задержание заявителя органами власти Франции. Примечательно, что после задержания жандармерией Франции заявителю незамедлительно была предоставлена возможность получить помощь адвоката в период его содержания под стражей в полиции в соответствии с законодательством Франции. Тот факт, что такая возможность не предусматривалась в соответствии с законодательством Бельгии в период, относившийся к обстоятельствам дела, не имеет большого значения. Более того, то, что заявитель прямо отказался от юридической помощи в момент его задержания органами государственной власти Франции, означал, что можно было исключить какое-либо ограничение права на доступ к адвокату (власти Бельгии ссылались на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии» (Simeonovi v. Bulgaria) от 12 мая 2017 г., жалоба № 21980/04[1], § 128). Впоследствии адвокат оказывала помощь заявителю, как только он обратился к властям Франции с соответствующим ходатайством.

102. Единственный пропуск в оказании непрерывной юридической помощи заявителю с момента его задержания во Франции пришелся на период с момента его допроса и дознания 31 декабря 2007 г., после его выдачи властям Бельгии, когда адвокат из Франции перестала оказывать ему содействие, до тех пор, пока он не связался с адвокатом из Бельгии. Власти Бельгии признали наличие некоторой неопределенности в отношении того, оказывал ли новый адвокат помощь заявителю в ходе допроса сотрудниками полиции 11 января 2008 г. Однако отсутствовали какие-либо сомнения в том, что по истечении периода содержания под стражей в полиции 31 декабря 2007 г. следственный судья связался с председателем коллегии адвокатов, чтобы сообщить о необходимости назначения адвоката. Впоследствии и в течение всего срока предварительного заключения заяви-

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 3 (*примеч. редактора*).

тель имел возможность согласно действующему на соответствующий момент времени законодательству Бельгии неограниченно использовать свое право на конфиденциальное общение с адвокатом для подготовки к допросу и организации своей защиты.

103. Чтобы доказать справедливость производства по делу, несмотря на какой-либо недостаток гарантий, предоставленных заявителю на ранних этапах, власти Бельгии подчеркнули, во-первых, что заявитель четко осознавал свои права, когда он первоначально предстал перед органами власти Бельгии. Он представил им сконструированную версию событий и выдвинул стратегию защиты, которая состояла в том, что он заявил о своей невиновности и отверг все предъявленные ему обвинения. Это произошло в результате того, что заявитель получил юридическую помощь во Франции до своей выдачи и ранее сталкивался с системой правосудия в Бельгии. Не следует также оставлять без внимания тот факт, что допросы, проведенные 31 декабря 2007 г., в период содержания заявителя под стражей в полиции, служили главным образом для определения того, являлось ли его содержание под стражей абсолютно необходимым для обеспечения общественной безопасности, что оправдывало выдачу ордера на арест. Соответственно, учитывая тяжесть обвинений, можно полагать, что присутствие адвоката не изменило бы выводы, сделанные по результатам допросов.

104. Кроме того, как следует из протоколов каждого допроса, заявитель был проинформирован о его правах в соответствии со статьей 47*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии. С момента дачи первых показаний он в полной мере воспользовался своим правом хранить молчание, включая право не отвечать на вопросы, давать ложную информацию, избирать или скрывать факты. Он также был уведомлен о возможности представить доказательства и ходатайствовать о проведении дополнительных следственных действий. Кроме того, отсутствует какая-либо взаимосвязь, как положительная, так и отрицательная, между версией событий, излагаемой заявителем на определенный момент времени, и присутствием или отсутствием адвоката.

105. Во-вторых, власти Бельгии утверждали, что за исключением единственного признания в том, что он забрал документ из материалов дела в ходе допроса 17 марта 2008 г., заявитель не свидетельствовал против самого себя. Данный момент был решающим при оценке справедливости производства по делу в целом. Кроме того, из постановления Обвинительной палаты от 31 августа 2009 г. о предании заявителя суду присяжных и из вердикта суда присяжных от 10 февраля 2010 г. можно сделать вывод о том, что признаки вины заявителя были установлены главным образом на основании показаний свидетелей, выводов следователей, вещественных доказательств, а также на заключениях судебно-медицинских и психиатрических экспертиз и что показания заявителя не были использованы против него судом первой инстанции.

106. В-третьих, из устоявшейся прецедентной практики Кассационного суда Бельгии, которая формировалась как до, так и после вынесения постановления по делу заявителя, следовало, что Кассационный суд Бельгии применял правило об исключении доказательств, которое приводило к систематической отмене приговоров, основанных на показаниях подсудимых, данных против самих себя в отсутствие адвоката. Таким образом, Кассационный суд Бельгии не ждал, пока законодательный орган внесет изменения в нормативно-правовую базу Бельгии в целях учета упоминавшегося выше прецедентного Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», и, полагая, что ограничение юридической помощи должно оцениваться в свете производства по делу в целом, подтвердил, что любые показания подсудимого против самого себя в отсутствие адвоката не могут быть использованы судом первой инстанции для осуждения подсудимого. Хотя Кассационный суд Бельгии не отменил вердикт суда присяжных по настоящему делу, он предварительно изучил ситуацию в целом и установил, что право заявителя на справедливое судебное разбирательство не было нарушено вследствие применения законодательства Бельгии. Признание вины заявителя действительно было основано главным образом на иных доказательствах, кроме рассматриваемых показаний.

107. Наконец, по мнению властей Бельгии, в дополнение к тому, что заявитель не мог ссылаться на какую-либо особую уязвимость или утверждение о давлении со стороны сотрудников полиции, ему были предоставлены многочисленные иные гарантии, перечисленные Кассационным судом Бельгии в постановлении от 26 мая 2010 г., практическое влияние которых было очевидно на протяжении всего производства по делу. Право получать копии документов из материалов дела позволило ему организовать и разработать наиболее эффективную защиту посредством неограниченных консультаций с адвокатом, благодаря точным копиям протоколов допросов он мог придерживаться одной и той же версии событий, хотя и противоречащей версии свидетелей, судебное расследование являлось предметом проверки со стороны Обвинительной палаты, в которой заявитель имел право в любой момент оспорить законность расследования. Кроме того, все принятые решения и ордера, выданные в отношении заявителя, были в полной мере обоснованы. Заявитель также пользовался процессуальными гарантиями, связанными с разбирательством в суде присяжных.

2. Третья сторона

108. По мнению организации «Фэе Трайалз Интернешнл» (FTI), благодаря настоящему делу Европейский Суд получил возможность прояснить свой подход по ряду позиций.

109. Во-первых, когда речь идет об оценке соответствия «систематического» законодательного ограничения пункту 1 и подпункту «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции, Европейскому Суду следует уточнить, будет ли он следовать своему предыдущему подходу, который был сформулирован в его Постановлении по делу «A.T. против Люксембурга» (A.T. v. Luxembourg) (от 9 апреля 2015 г., жалоба № 30460/13), и анализировать посредством оценки общей справедливости, использовались ли в целях осуждения какие-либо показания подсудимого против самого себя в широком смысле, полученные в отсутствие адвоката. В случае следования данному подходу FTI предложила, чтобы в соответствии с принципом субсидиарности Европейский Суд проводил собственную оценку использования таких показаний только в том случае, если при конкретных обстоятельствах дела проблема была установлена и ее соответствие Конвенции оценивалось судами властей государства-ответчика независимо от внутригосударственного законодательства.

110. Во-вторых, что касается использования показаний подсудимого против самого себя, Европейский Суд должен воспользоваться возможностью и напомнить в ходе рассмотрения настоящего дела о том, что, если доказательства, полученные в отсутствие адвоката, независимо от того, было ли данное ограничение изначально основано на законе, имели какие-либо неблагоприятные последствия для судебного разбирательства, это причинит непоправимый ущерб праву на защиту.

111. По мнению FTI, в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» она отошла от направления, принятого после вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», утверждая, что даже при отсутствии веских оснований в принципе не было причин, по которым такие показания не должны были быть использованы в целях осуждения при условии, что общая справедливость производства по делу не была нарушена.

112. FTI не поддержала применение более гибкого подхода, утверждая, что он не соответствовал изменениям, произошедшим в европейских правовых системах после вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции». Непосредственным следствием упомянутого выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» стала легитимация ситуаций, в которых допускалось использование доказательств, полученных в отсутствие адвоката. Кроме того, применение критерия, изложенного в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», а именно дискреционной предметной оценки на основе 10 неисчерпывающих факторов, могло привести к различным толкованиям и результатам, о чем свидетельствует отсутствие консенсуса в вышеупомянутом Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», касающемся общей справедливости производства по делу.

113. Во избежание регресса FTI просила Европейский Суд подтвердить, что в случаях, когда оценка общей справедливости судебного разбирательства свидетельствует о наличии какой-либо связи, пусть даже и незначительной, между отсутствием помощи адвоката и исходом судебного разбирательства, необходимо считать, что допущенное ранее нарушение «выкристаллизовалось», и установить нарушение независимо от степени какого-либо ущерба для общей справедливости производства по делу.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(a) Предварительные замечания

114. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что Большая Палата уже имела возможность в ряде дел рассмотреть вопрос о праве на доступ к адвокату в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции (в качестве недавних примеров см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии» (Dvorski v. Croatia), жалоба № 25703/11[1], *ECHR* 2015, упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и «Симеоновы против Болгарии»).

115. В настоящем деле, как следует из §§ 3 и 90 выше, заявитель сначала жаловался на то, что он не имел доступа к помощи адвоката, находясь под стражей в полиции, а также на то, что даже после того, как он смог проконсультироваться с адвокатом, последний не мог оказать ему содействие в ходе допросов в полиции или дознания, проводимого следственным судьей, и не мог присутствовать при реконструкции событий.

116. Жалобы заявителя касаются предусмотренных законом ограничений права на доступ к адвокату, при этом первое предполагаемое огра-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 3 (*примеч. редактора*).

ничение носит такой же характер, что и ограничение, оспариваемое в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции». Следует отметить, что в дополнение к указанному Постановлению Большая Палата Европейского Суда дала существенные разъяснения о праве на доступ к адвокату в своем Постановлении по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», хотя ограничение, оспариваемое в последнем деле, не носило общего и обязательного характера. Таким образом, благодаря настоящему делу Европейский Суд имеет возможность прояснить, подлежит ли данное разъяснение общему применению или, как утверждал заявитель, установление законодательного ограничения само по себе является достаточным для того, чтобы признать нарушение требований пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

117. В настоящем деле также возникают вопросы, касающиеся содержания и объема права на доступ к адвокату. Европейский Суд отмечает, что с момента принятия упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» его прецедентная практика постепенно развивалась и пределы указанного права были определены в отношении жалоб и обстоятельств рассматриваемых им дел. Таким образом, настоящее дело позволяет вновь изложить причины, по которым данное право представляет собой один из основополагающих аспектов права на справедливое судебное разбирательство, дать объяснения относительно вида юридической помощи, предоставление которой необходимо перед проведением первого допроса в полиции или первого дознания судьей. Настоящее дело также позволяет Европейскому Суду уточнить, требуется ли физическое присутствие адвоката в ходе каких-либо допросов или иных следственных действий, осуществляемых в период содержания под стражей в полиции и предварительного расследования (которые проводились следственным судьей по настоящему делу).

118. Указанные вопросы будут рассмотрены с учетом нижеизложенных общих принципов.

(b) Общие принципы

(i) Применимость статьи 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте

119. Европейский Суд напоминает, что средства правовой защиты, предусмотренные пунктом 1 и подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции, относящиеся к существу настоящего дела, применяются к лицу, которому предъявлено «уголовное обвинение» в автономном конвенционном значении данного термина. «Уголовное обвинение» возникает с момента, когда компетентный орган власти официально доводит до сведения лица обвинение в совершении им уголовного преступления, или с момента, когда положение лица существенно затрагивается действиями, предпринятыми органами государственной власти в результате возникших в отношении него подозрений (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 249, и «Симеоновы против Болгарии», §§ 110–111, а также приведенную в них прецедентную практику).

(ii) Общий подход к статье 6 Конвенции в ее уголовно-правовом аспекте

120. Справедливость разбирательства по уголовному делу должна быть гарантирована при любых обстоятельствах. Однако составляющие справедливого судебного разбирательства не могут являться предметом единой неизменной нормы, а должны зависеть от обстоятельств каждого конкретного дела (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 250). При рассмотрении жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции основной задачей Европейского Суда является оценка общей справедливости производства по уголовному делу (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02[1], §§ 94–105, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Taxquet v. Belgium), жалоба № 926/05[2], §§ 84 и 93–100, *ECHR* 2010, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom), жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, §§ 118 и 152–165, *ECHR* 2011, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», §§ 81–82 и 103–113, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии» (Schatschaschwili v Germany), жалоба № 9154/10[3], §§ 101 и 161–165, *ECHR* 2015, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (Blokhin v.

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (*примеч. редактора*).

[3] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 3 (*примеч. редактора*).

Russia) от 23 марта 2016 г., жалоба № 47152/06[1], §§ 194 и 211–216, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лермитт против Бельгии» (Lhermitte v. Belgium) от 29 ноября 2016 г., жалоба № 34238/09[2], §§ 69 и 83–85, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 274, 280–294 и 301–311, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коррейя де Матуш против Португалии» (Correia de Matos v. Portugal) от 4 апреля 2018 г., жалоба № 56402/13[3], §§ 118, 120, и 160–168).

121. Как неоднократно устанавливал Европейский Суд, соблюдение требований справедливого судебного разбирательства должно рассматриваться в каждом случае с учетом развития производства по делу в целом, а не на основании изолированного рассмотрения одного конкретного аспекта или одного конкретного инцидента, хотя нельзя исключать, что какой-либо отдельный фактор может быть настолько решающим, чтобы позволить провести оценку справедливости судебного разбирательства на более раннем этапе производства по делу. Оценивая общую справедливость производства по делу, Европейский Суд при необходимости учитывает минимальные права, перечисленные в пункте 3 статьи 6 Конвенции, которые служат примером требований к справедливому судебному разбирательству в типичных процессуальных ситуациях, возникающих в уголовных делах. Таким образом, их можно считать конкретными аспектами понятия справедливого судебного разбирательства в рамках производства по уголовному делу в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., например, упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 50, «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства», § 118, «Дворский против Хорватии», § 76, «Шачашвили против Германии», § 100, «Блохин против Российской Федерации», § 194, и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 251).

122. Однако указанные минимальные права не являются самоцелью: их истинная цель всегда заключается в том, чтобы способствовать обеспечению справедливости производства по уголовному делу в целом (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 251 и 262, «Коррейя де Матуш против Португалии», § 120).

(iii) Право на доступ к адвокату

123. Право каждого, кому «предъявлено уголовное обвинение», на эффективную защиту своих интересов адвокатом, которое гарантируется подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции, является одним из основных признаков справедливого судебного разбирательства (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 51, «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 255).

(α) Начало применения права на доступ к адвокату

124. Если лицо заключено под стражу, начало применения права на доступ к адвокату не вызывает сомнений. Указанное право начинает применяться с момента, когда возникает «уголовное обвинение» в значении прецедентной практики Европейского Суда (см. выше § 119), в частности, с момента задержания подозреваемого независимо от того, проводится ли допрос данного лица или участвует ли оно в проведении иных следственных действий в течение соответствующего периода (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», §§ 111, 114 и 121).

(β) Цели права на доступ к адвокату

125. Право на доступ к адвокату на стадии досудебного расследования также способствует предотвращению судебных ошибок и, прежде всего, достижению целей статьи 6 Конвенции, а именно равенства процессуальных возможностей следственных органов или органов прокуратуры и обвиняемого (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 53–54, «Блохин против Российской Федерации», § 198, «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 255, и «Симеоновы против Болгарии», § 112).

126. С момента вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» он неоднократно признавал, что своевременный доступ к помощи адвоката представляет собой серьезный противовес уязвимости подозреваемых, содержащихся под стражей в полиции. Такой доступ также является превентивным, поскольку он обеспечивает важную гарантию, позволяющую не допустить применения силы в отношении подозреваемых и жестокого обращения с ними со стороны сотрудников полиции (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 54, «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 255, а также «Симеоновы против Болгарии», § 112).

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 7 (*примеч. редактора*).

[3] См.: там же. 2018. № 5 (*примеч. редактора*).

127. Европейский Суд также признавал, что уязвимое положение подозреваемых может усугубляться тем фактом, что уголовно-процессуальное законодательство становится все более сложным, особенно нормы, регулирующие сбор и использование доказательств (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 54, и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 253).

128. Наконец, одна из основных задач адвоката на этапах содержания под стражей в полиции и при проведении расследования заключается в обеспечении соблюдения права обвиняемого не свидетельствовать против самого себя (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 54, «Дворский против Хорватии», § 77, «Блохин против Российской Федерации», § 198) и права хранить молчание.

129. В этой связи Европейский Суд полагает, что права не свидетельствовать против самого себя, хранить молчание и на получение юридической помощи естественным образом предполагают, что лицо, которому предъявлено «уголовное обвинение» в значении статьи 6 Конвенции, имеет право быть проинформированным о таких правах. В противном случае гарантируемая защита не будет практически осуществимой и эффективной (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 272, «Симеоновы против Болгарии», § 119; взаимодополняемость таких прав подчеркивалась уже в Постановлении Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., § 66, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-I, в Постановлении Европейского Суда по делу «Брюско против Франции» (Brusco v. France) от 14 октября 2010 г., жалоба № 1466/07, § 54, и в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Навон и другие против Монако», §§ 73–74). Следовательно, подпункт «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции должен толковаться как гарантирующий право обвиняемых в преступлении быть немедленно проинформированными о содержании права на юридическую помощь независимо от их возраста или конкретных обстоятельств и от того, представляет ли их интересы официально назначенный адвокат или адвокат по их выбору (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», § 119).

130. С учетом характера права не свидетельствовать против самого себя и права хранить молчание Европейский Суд полагает, что неспособность уведомить подозреваемого о таких правах в принципе не может быть оправдана. Однако в случаях, когда подозреваемый не был проинформирован о них, Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, являлось ли производство по делу в целом справедливым, несмотря на данное упущение. Немедленный доступ к помощи адвоката, который может предоставить информацию о процессуальных правах, способен предотвратить несправедливость, вытекающую из отсутствия официального уведомления о таких правах. Тем не менее в случае задержки доступа к адвокату требование о том, чтобы следственные органы уведомляли подозреваемого о его правах на доступ к адвокату, хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя, приобретает особую важность (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 273, и приведенные в нем примеры).

(γ) Содержание права на доступ к адвокату

131. Подпункт «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции не определяет способ осуществления права на доступ к адвокату и его содержание. Хотя указанная норма оставляет за властями государства-ответчика выбор средств обеспечения его защиты в своих судебных системах, объем и содержание данного права должны определяться в соответствии с целью Конвенции, а именно гарантировать практически осуществимые и эффективные права (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (Öcalan v. Turkey), жалоба № 46221/99, § 135, *ECHR* 2005-IV, упоминавшиеся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», § 51, «Дворский против Хорватии», § 80, и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 272).

132. Назначение адвоката само по себе не гарантирует эффективность помощи, которую он или она может оказать обвиняемому (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции», § 135, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахновский против Российской Федерации» (Sakhnovskiy v. Russia) от 2 ноября 2010 г., жалоба № 21272/03[1], § 95, и Постановление Европейского Суда по делу «M. против Нидерландов» (M v. Netherlands) от 25 июля 2017 г., жалоба № 2156/10, § 82), и в этой связи должны быть выполнены следующие минимальные требования.

133. Во-первых, как указывал Европейский Суд (см. выше § 124), подозреваемые должны иметь возможность общаться с адвокатом с момента их задержания. Следовательно, подозреваемый дол-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9 (*примеч. редактора*).

жен иметь возможность проконсультироваться со своим адвокатом до начала допроса (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Брюско против Франции», § 54, «A.T. против Люксембурга», §§ 86–87) или даже в отсутствие допроса (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», §§ 111 и 121). Адвокат должен иметь возможность общаться с доверителем наедине и получать конфиденциальные указания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ланц против Австрии» (Lanz v. Austria) от 31 января 2002 г., жалоба № 24430/94, § 50, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции», § 135, Постановление Европейского Суда по делу «Рыбацкий против Польши» (Rybacki v. Poland) от 13 января 2009 г., жалоба № 52479/99, § 56, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахновский против Российской Федерации», § 97, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «M. против Нидерландов», § 85).

134. Во-вторых, в ряде дел Европейский Суд устанавливал, что подозреваемые имеют право на то, чтобы их адвокат физически присутствовал на их первичных допросах в полиции, а также в ходе любых последующих допросов на стадии досудебного производства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Адамкевич против Польши» (Adamkiewicz v. Poland) от 2 марта 2010 г., жалоба № 54729/00, § 87, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции», § 54, Постановление Европейского Суда по делу «Маджер против Хорватии» (Mađer v. Croatia) от 21 июня 2011 г., жалоба № 56185/07, §§ 151 и 153, Постановление Европейского Суда по делу «Шебаль против Хорватии» (Šebalj v. Croatia) от 28 июня 2011 г., жалоба № 4429/09, §§ 256–257, и Постановление Европейского Суда по делу «Эркапич против Хорватии» (Erkapić v. Croatia) от 25 апреля 2013 г., жалоба № 51198/08, § 80). Такое физическое присутствие позволит адвокату оказать эффективную и практически осуществимую, а не абстрактную помощь (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга», § 87) и, в частности, обеспечить соблюдение прав допрашиваемого подозреваемого на защиту (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства», § 66, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции», § 131).

135. Например, Европейский Суд устанавливал, что в зависимости от конкретных обстоятельств каждого дела и соответствующей правовой системы следующие ограничения могут отрицательно отразиться на справедливости судебного разбирательства:

(a) отказ или сложности, с которыми сталкивается адвокат при получении доступа к материалам уголовного дела на ранних стадиях производства по делу или в ходе досудебного расследования (см. Постановление Европейского Суда по делу «Моисеев против Российской Федерации» (Moiseyev v. Russia) от 9 октября 2008 г., жалоба № 62936/00[1], §§ 217–218, Постановление Европейского Суда по делу «Сапан против Турции» (Sapan v. Turkey) от 20 сентября 2011 г., жалоба № 17252/09, § 21, см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга», §§ 79–84);

(b) неучастие адвоката в проведении следственных действий, таких как процедуры опознания (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ласка и Лика против Албании» (Laska and Lika v. Albania) от 20 апреля 2010 г., жалобы №№ 12315/04 и 17605/04, § 67) или реконструкция событий (см. Постановление Европейского Суда по делу «Саваш против Турции» (Savaş v. Turkey) от 8 декабря 2009 г., жалоба № 9762/03, § 67, Постановление Европейского Суда по делу «Карадаг против Турции» (Karadağ v. Turkey) от 29 июня 2010 г., жалоба № 12976/05, § 47, и Постановление Европейского Суда по делу «Галип Догру против Турции» (Galip Doğru v. Turkey) от 28 апреля 2015 г., жалоба № 36001/06, § 84).

136. В дополнение к вышеупомянутым аспектам, которые играют решающую роль в определении того, являлся ли доступ к помощи адвоката на этапе досудебного производства практически осуществимым и эффективным, Европейский Суд указывал на необходимость при оценке общей справедливости производства по делу принимать во внимание на индивидуальной основе весь спектр мер, которые были связаны с юридической помощью: обсуждение дела, организация защиты, сбор доказательств невиновности, подготовка к допросу, поддержка обвиняемого в тяжелой ситуации и проверка условий содержания под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хованесян против Болгарии» (Hovanesian v. Bulgaria) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 31814/03, § 34, упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Симонс против Бельгии», § 30, упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «A.T. против Люксембурга», § 64, и «Адамкевич против Польши», § 84, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дворский против Хорватии», §§ 78 и 108).

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 3 (*примеч. редактора*).

(iv) Отношения между обоснованием ограничения права на доступ к адвокату и общей справедливостью производства по делу

137. Принцип, согласно которому каждый подозреваемый по общему правилу имеет право на доступ к помощи адвоката с момента первого допроса в полиции, изложен в вышеупомянутом Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (§ 55) в следующей формулировке:

> «…для обеспечения достаточной "практичности и эффективности" права на справедливое судебное разбирательство… пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, как правило, чтобы доступ к услугам адвоката был предоставлен с момента первого допроса подозреваемого в полиции, за исключением случаев, когда конкретные обстоятельства каждого отдельного дела позволяют обоснованно ограничить данное право. Даже если веские основания могут обоснованно позволить отказать в доступе к услугам адвоката, подобные ограничения независимо от причин не могут незаконно причинить вред правам обвиняемого, гарантируемым статьей 6 Конвенции… Право на защиту будет непоправимо нарушено, если показания, данные против самого себя в ходе допроса сотрудниками полиции в отсутствие адвоката, будут использоваться в целях осуждения».

138. Упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» также продемонстрировало, что применение «на систематической основе», иными словами, на основе правовых норм, ограничения права на помощь адвоката в период предварительного заключения не являлось веским основанием (см. *ibid.*, § 56). Несмотря на отсутствие веских оснований в указанном деле, Европейский Суд, тем не менее, проанализировал с точки зрения общей справедливости последствия признания в качестве доказательств показаний, которые обвиняемый дал в отсутствие адвоката. Согласно позиции Европейского Суда данный недостаток не мог быть исправлен посредством иных процессуальных гарантий, предусмотренных законодательством государства-ответчика (см. *ibid.*, §§ 52 и 57–58).

139. Палаты Европейского Суда следовали этапам анализа, изложенным в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции»: прежде всего установить, имелись ли веские основания для оправдания ограничения права на доступ к адвокату, а затем проанализировать общую справедливость производства по делу, как и по делам, касающимся законодательных ограничений общего и обязательного характера или ограничений, вытекающих из конкретных решений, принятых компетентными органами.

140. Однако в ряде дел, все из которых касались Турции, Европейский Суд не рассматривал вопрос о веских основаниях и не анализировал справедливость производства по делу, но установил, что систематические ограничения права на доступ к адвокату *ab initio* привели к нарушению Конвенции (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции», § 33, и Постановление Европейского Суда по делу «Боз против Турции» (Boz v. Turkey) от 9 февраля 2010 г., жалоба № 2039/04, § 35). Тем не менее в большинстве случаев Европейский Суд избирал менее критичный подход и проводил оценку справедливости производства по делу в целом, иногда в краткой форме (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Чаркчы против Турции (№ 2)» (Çarkçı v. Turkey) (№ 2) от 14 октября 2014 г., жалоба № 28451/08, §§ 43–46), а иногда более подробно (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга», §§ 72–75).

141. Столкнувшись с некоторым расхождением в подходе, который следует принять, Европейский Суд в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» подтвердил принцип, установленный в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», тем самым подтвердив, что применимый критерий предполагает два этапа, и пояснив каждый из них и связь между ними (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 257 и 258–262).

(α) Понятие наличия веских оснований

142. Критерий веских оснований является строгим: с учетом основополагающего характера и важности скорейшего получения юридической помощи, в частности, при первом допросе подозреваемого сотрудниками полиции, ограничение доступа к юридической помощи допускается только в исключительных случаях, оно должно иметь временный характер и должно быть основано на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции», §§ 54, *in fine,* и § 55, и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 258). Веские основания не могут быть установлены исходя из одного только факта наличия законодательства, исключающего присутствие адвоката. То обстоятельство, что имеет место предусмотренное законодательством ограничение права на доступ к адвокату общего и обязательного характера, не устраняет необходимость для властей государства-ответчика выяснять путем проведения индивидуальной и спе-

цифической оценки, имеются ли какие-либо веские основания.

143. Европейский Суд также пояснил, что, если государству-ответчику удалось убедительно доказать наличие срочной необходимости предотвращения серьезных негативных последствий для жизни, свободы или физической неприкосновенности, это может являться веским основанием для ограничения доступа к юридической помощи в целях статьи 6 Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 259, и «Симеоновы против Болгарии», § 117).

(β) Справедливость производства по делу в целом и связь между двумя аспектами критерия

144. В Постановлении по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд также подтвердил, что отсутствие веских оснований само по себе не приводит к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции. Независимо от наличия веских оснований, необходимо в каждом случае анализировать производство по делу в целом (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 262). Последний момент имеет особое значение для настоящего дела, поскольку заявитель ориентировался на определенное толкование прецедентной практики Европейского Суда относительно права на доступ к адвокату (см. выше § 97), согласно которому законодательное и системное происхождение ограничения указанного права являлось достаточным в отсутствие веских оснований для установления нарушения требований статьи 6 Конвенции. Однако, как следует из упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», после которого было вынесено упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Симеоновы против Болгарии», Европейский Суд отклонял довод заявителей в тех случаях, в которых в Постановлении по делу «Салдуз против Турции» было установлено абсолютное правило подобного рода. Таким образом, Европейский Суд отступил от принципа, который был сформулирован, в частности, в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Даянан против Турции» и в других постановлениях, вынесенных против Турции (см. выше § 140).

145. При отсутствии веских оснований Европейский Суд должен очень строго подходить к оценке справедливости производства по делу. Отсутствие веских оснований имеет большое значение при определении баланса в рамках проведения оценки общей справедливости производства по уголовному делу и может стать решающим фактором в установлении нарушения. Бремя доказывания в таком случае будет возложено на власти государства-ответчика, которые должны будут убедительно доказать, почему в порядке исключения в конкретных обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости производства по уголовному делу (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 265).

146. Европейский Суд также подчеркивал, что в случае задержки доступа к адвокату и отсутствия уведомления подозреваемого о его праве на юридическую помощь, праве не свидетельствовать против самого себя и праве хранить молчание властям государства-ответчика будет еще сложнее доказать справедливость производства по делу в целом (см. *ibid.*, § 273, *in fine*).

147. Наконец, следует отметить, что принцип установления общей справедливости производства по делу в качестве краеугольного камня оценки не ограничивается правом на доступ к адвокату в соответствии с подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции и неотделим от более широкой прецедентной практики, касающейся права на защиту, которое закреплено в пункте 1 статьи 6 Конвенции (см. выше в § 120 прецедентную практику, касающуюся пункта 1 статьи 6 Конвенции).

148. Кроме того, подобный акцент согласуется с функцией Европейского Суда, которая заключается не в вынесении абстрактных постановлений и не в гармонизации различных правовых систем, а в установлении гарантий, обеспечивающих, чтобы производство по каждому делу соответствовало требованиям справедливого судебного разбирательства с учетом конкретных обстоятельств каждого обвиняемого.

149. Как уже отмечал Европейский Суд, при обеспечении общей справедливости производства по делу условия применения пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции в период содержания под стражей в полиции и на стадии досудебного производства будут зависеть от особого характера указанных двух этапов и от обстоятельств дела.

(γ) Факторы, имеющие значение при определении справедливости производства по делу

150. При рассмотрении производства по делу в целом для определения того, как повлияли процессуальные нарушения на досудебном этапе на общую справедливость производства по уголовному делу, в соответствующих случаях необходимо принимать во внимание факторы, выработанные в прецедентной практике Европейского Суда,

перечень которых не является исчерпывающим (см. вышеупомянутые Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 274, и «Симеоновы против Болгарии», § 120), а именно рассмотреть следующие вопросы:

(a) находился ли заявитель в особо уязвимом положении, например, в силу возраста или умственных способностей;

(b) правовые нормы, регулирующие досудебное производство по делу и допустимость доказательств в судебном разбирательстве, а также вопрос об их соблюдении; в том случае, если применяется правило об исключении доказательств, особенно маловероятно, что производство по делу в целом будет считаться несправедливым;

(c) была ли у заявителя возможность оспорить достоверность доказательств и возражать против их использования;

(d) о качестве доказательств, и заставляют ли обстоятельства их получения сомневаться в их достоверности или точности с учетом степени и характера какого-либо принуждения;

(e) если доказательства были получены с нарушением закона, то изучить их незаконность, а если они получены в результате нарушения другой статьи Конвенции, характер установленного нарушения;

(f) если речь идет о показаниях, то характер таких показаний и тот факт, были ли они сразу же отозваны или изменены;

(g) о порядке использования полученных доказательств, и, в частности, явились ли они составной или важной частью доказательственной базы, положенной в основу обвинительного приговора, а также убедительность иных собранных по делу доказательств;

(h) осуществлялось ли определение виновности профессиональными судьями, магистратами или присяжными, не являющимися юристами, а также содержание любых напутствий или указаний, данных последним;

(i) о значимости общественного интереса в проведении расследования и в привлечении к ответственности за конкретное преступление, о котором идет речь в деле;

(j) другие имеющие отношение к делу процессуальные гарантии, предусмотренные законодательством и правоприменительной практикой государства.

(c) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

151. В качестве вступления Европейский Суд отмечает, что допросы в полиции, дознание следственным судьей и иные следственные действия, проводимые в отсутствие у заявителя предварительного доступа к адвокату и без физического присутствия адвоката, имели место до вынесения Большой Палатой Европейского Суда упоминавшегося выше Постановления по делу «Салдуз против Турции». Вместе с тем Европейский Суд отмечает, что в ходе судебного разбирательства в суде присяжных заявитель ссылался на данное Постановление, пытаясь добиться исключения из доказательственной базы показаний, данных им в ходе допроса без юридической помощи. Кроме того, суд присяжных в своем промежуточном постановлении от 1 февраля 2010 г. принял во внимание упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» при оценке обстоятельств настоящего дела. Кассационный суд Бельгии также пытался отреагировать на основание жалобы с учетом указанной прецедентной практики (см. выше §§ 37–39 и 48).

152. Кроме того, судебное разбирательство в отношении заявителя состоялось задолго до вынесения Большой Палатой Европейского Суда упоминавшегося выше Постановления по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». Хотя указанное Постановление следует принимать во внимание в той степени, в которой оно подтверждает и закрепляет прецедентную практику, сформированную в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Салдуз против Турции», Европейский Суд тем не менее, осознает сложности, которые могут возникнуть у судов государств-ответчиков ввиду прошедшего времени и развития его прецедентной практики, даже несмотря на то, что такое развитие в отношении пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции было последовательным с момента вынесения упоминавшегося выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции».

153. Европейский Суд также признает усилия Кассационного суда Бельгии, направленные на то, чтобы принять во внимание развитие прецедентной практики Европейского Суда, несмотря на ограничения права на доступ к адвокату, которые налагались на соответствующий момент времени согласно законодательству Бельгии. Как следует из изучения соответствующих постановлений, вынесенных в период с 2010 по 2011 год (см. выше §§ 66–70), Кассационный суд Бельгии пытался толковать внутригосударственное законодательство таким образом, чтобы обеспечить его соответствие, насколько это возможно, принципам, изложенным в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты по делу «Салдуз против Турции» и впоследствии применяемым Европейским Судом. В указанных целях он стремится по существу оценить последствия ограничения права на доступ к адвокату в контексте своей оценки общей справедливости производства по рассматриваемому делу.

(i) Наличие и степень ограничений

154. Европейский Суд отмечает, что оспариваемые ограничения права на доступ к адвокату в настоящем деле были особенно обширными.

155. Заявитель не мог общаться с адвокатом с момента его выдачи властям Бельгии 31 декабря 2007 г., в 10.40, до его допроса в полиции в 11.50 или с момента такого допроса до проведения следственным судьей процедуры дознания в тот же день в 16.45. Заявителю было предоставлено право проконсультироваться с адвокатом в соответствии со статьей 20 Закона «О предварительном заключении» после того, как следственный судья вынес постановление о его заключении под стражу по завершении дознания в 17.42 и уведомил Коллегию адвокатов о необходимости организовать назначение защитника (см. выше §§ 13 и 54).

156. Несмотря на то, что впоследствии заявитель мог свободно общаться с назначенным ему адвокатом, он по-прежнему был лишен права на то, чтобы адвокат присутствовал в ходе последующих допросов, дознания и иных следственных действий, проводимых в ходе досудебного расследования. В дополнение к тому, что данное ограничение следует из отсутствия необходимых положений в законодательстве и вследствие секретности такого расследования, предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом Бельгии, и, следовательно, из толкования законодательства, действующего в период, относившийся к обстоятельствам дела, (см. выше §§ 54 и 59), ограничение применялось на всем этапе досудебного производства. В общей сложности с момента выдачи властям Бельгии 31 декабря 2007 г. до вынесения Обвинительной палатой Апелляционного суда г. Монса постановления от 31 августа 2009 г. о предании заявителя суду присяжных заявителя допрашивали по предъявленным ему обвинениям в отсутствие адвоката сотрудники полиции по расследованию уголовных преступлений пять раз (не включая допросы 6 и 7 марта 2008 г. об угонах автомобилей), следственный судья три раза и королевский прокурор два раза. Адвокат заявителя также не участвовал в реконструкции событий на месте преступления 6 июня 2008 г.

157. Европейский Суд полагает, что остается неопределенность относительно того, с какого момента заявитель фактически общался с адвокатом для подготовки своей защиты, после того, как следственный судья по истечении периода его содержания под стражей в полиции 31 декабря 2007 г. принял необходимые меры для назначения адвоката (см. выше § 21). В протоколе проведенного впоследствии первого допроса от 11 января 2008 г. или в иных материалах дела отсутствуют какие-либо указания по этому вопросу (см. выше § 25). По единственной определенной информации, доступной Европейскому Суду на основании протокола дознания следственного судьи от 17 марта 2008 г., заявитель к данному моменту выбрал адвоката и встречался с ним (см. выше § 27). Отвечая на вопросы, заданные в ходе слушания дела, власти Бельгии не смогли предоставить более точную информацию в этой связи.

158. Принимая во внимание приведенные факты, а также вышеизложенные общие принципы (см. выше §§ 119, 125–130 и 131–136), Европейский Суд считает, что заявитель, который имел право на защиту в соответствии со статьей 6 Конвенции с момента его выдачи властям Бельгии, не имел права на доступ к адвокату согласно указанному положению Конвенции в период его содержания под стражей в полиции и что данное право впоследствии было ограничено в течение всего досудебного расследования.

159. По мнению Европейского Суда, замечания властей Бельгии о том, что адвокат оказывал содействие заявителю в ходе судебного производства во Франции, в этой связи не имеют значения. Указанное производство и юридическая помощь, предоставленная во Франции, касались только исполнения европейского ордера на арест властями Франции.

(ii) Наличие веских оснований

160. Стороны не оспаривали, что в период, относившийся к обстоятельствам дела, обжалуемые ограничения были обусловлены отсутствием соответствующего положения в законодательстве Бельгии и толкованием законодательства судами Бельгии (см. выше §§ 49–60).

161. Европейский Суд напоминает о том, что ограничения на доступ к адвокату по веским основаниям на досудебном этапе допускаются только в исключительных случаях, должны иметь временный характер и должны быть основаны на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела (см. выше § 142). Подобная индивидуальная оценка явно не была проведена в настоящем деле, поскольку ограничение носило общий и обязательный характер.

162. В законодательство Бельгии, по общему признанию, были внесены изменения в соответствии с Законом Салдуза, который вступил в силу 1 января 2012 г., а затем Законом Салдуза*bis*, вступившем в силу 27 ноября 2016 г. Измененное законодательство при определенных условиях наделяет подозреваемых, которые подвергаются допросу или содержатся под стражей, такими правами, как право консультироваться с адвокатом перед допросом в полиции и право на помощь адвоката в ходе любого последующего допроса (см. выше §§ 72–77). Однако следует отметить, что заявитель не мог воспользоваться указанными положениями в ходе досудебного производства в отношении него.

163. Кроме того, власти Бельгии не смогли продемонстрировать наличие каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы оправдать ограничения прав заявителя, и в задачу Европейского Суда не входит установление этих обстоятельств по своей инициативе (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии», § 130).

164. Таким образом, указанные ограничения не были оправданы какими-либо вескими основаниями.

(iii) Справедливость производства по делу в целом

165. При подобных обстоятельствах Европейский Суд должен очень строго подходить к оценке справедливости, особенно при наличии законодательных ограничений общего и обязательного характера. Следовательно, бремя доказывания возлагается на власти Бельгии, которые, как они признали, должны убедительно продемонстрировать, что судебное разбирательство в целом в отношении заявителя было справедливым. Как уже указывалось (см. выше § 145 и приведенные в нем примеры), неспособность властей Бельгии привести веские основания имеет большое значение при определении баланса и может стать решающим фактором в установлении нарушения пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

166. Далее Европейский Суд проанализирует различные факторы, вытекающие из его прецедентной практики, как они изложены в упоминавшихся выше Постановлениях Большой Палаты по делам «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и «Симеоновы против Болгарии» и подтверждены выше в § 150 в той степени, в которой данные факторы имеют значение для настоящего дела.

(α) Уязвимость заявителя

167. Власти Бельгии утверждали, что заявитель не был особенно уязвимым лицом. Однако заявитель утверждал, что он находился в уязвимом положении вследствие его содержания под стражей и что его уязвимость усугублялась его низким уровнем умственного развития и ограниченными навыками устной речи, о чем свидетельствует нейропсихологическая оценка, проведенная в апреле 2008 года (см. выше § 29).

168. Европейский Суд отмечает, что по результатам вышеупомянутой оценки был сделан вывод о том, что, хотя заявитель обладал ограниченными интеллектуальными способностями, его логическое мышление находилось в норме. Кроме того, заявитель не указал в протоколах своих допросов и дознания на какие-либо сложности в самовыражении. В дополнение отсутствуют какие-либо иные особые обстоятельства, которые указывали бы на то, что заявитель находился в более уязвимом положении по сравнению с обычным положением лиц, которые подвергались допросу со стороны следователей. Допросы, проведенные в период его содержания под стражей в полиции и в ходе досудебного расследования, не были необычными или чрезмерно продолжительными.

(β) Обстоятельства получения доказательств

169. Европейский Суд отмечает, что заявитель ни в судах Бельгии, ни в Европейском Суде не утверждал о каком-либо давлении, оказанном на него со стороны полиции Бельгии. Что касается довода об оказании на него давления со стороны жандармов во Франции, что впоследствии привело к обвинению им несовершеннолетнего лица в ходе первого допроса сотрудниками полиции Бельгии, оно было отклонено судом присяжных. Данное утверждение также было опровергнуто самим заявителем, поскольку в последующей версии событий он дал другое объяснение тому, почему он выдвинул ложное обвинение (см. выше §§ 30 и 40).

(γ) Нормативно-правовая база, регулирующая досудебное производство и допустимость доказательств в судебном разбирательстве, а также наличие у заявителя возможности оспаривать доказательства и возражать против их использования

170. Власти Бельгии ссылались на общие гарантии, которыми, по их мнению, воспользовался заявитель на основании нормативно-правовой базы, регулирующей досудебное производство в период, относившийся к обстоятельствам дела, в частности, на то, что за исключением периода допроса заявитель имел право свободно и без ограничений общаться со своим адвокатом с момента истечения срока содержания под стражей в полиции. Впоследствии за исключением протокола допроса в полиции от 31 декабря 2007 г., копия которого была передана заявителю по окончании его первой явки к следственному судье, он систематически получал копии всех протоколов допросов и дознания, что позволило ему обсуждать их со своим адвокатом и усиливать свою защиту.

171. Указанные гарантии действительно позволили заявителю воспользоваться услугами защитника на стадии судебного расследования и выработать свою стратегию защиты. Однако ввиду того, что законодательство Бельгии, применимое к судебному производству в отношении заявителя, не соответствовало требованиям пункта 3 статьи 6 Конвенции (см., в частности, выше §§ 160 и 161), общая справедливость производства по делу не

может быть гарантирована только на основе законодательства, предусматривающего некоторые абстрактные гарантии. Европейский Суд должен изучить вопрос о том, оказало ли применение данных законодательных положений в настоящем деле компенсаторный эффект в практическом плане, придав производству по делу в целом справедливый характер. В рамках данного анализа, который лежит в основе второго аспекта критерия, сформулированного в упоминавшихся выше Постановлениях Большой Палаты Европейского Суда по делам «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», Европейский Суд считает, что поведение заявителя в ходе допросов в полиции и дознания, проводимого следственным судьей, могло иметь такие последствия для перспектив его защиты, что отсутствовали какие-либо гарантии того, что помощь, оказанная ему адвокатом впоследствии, или состязательный характер дальнейшего производства могли бы исправить недостатки, которые имели место в период содержания заявителя под стражей в полиции (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 58). Кроме того, как отмечалось выше в § 157, дата, с которой заявитель начал получать юридическую помощь, не указана в материалах дела. Хотя очевидно, что у заявителя несколько раз менялся адвокат, из материалов дела неясно, как часто проводились консультации, и был ли адвокат уведомлен о датах проведения допросов и процедур дознания. Таким образом, заявитель не мог заранее подготовиться к допросу вместе со своим адвокатом, а мог лишь позднее рассказать адвокату о том, как прошли допрос или дознание, при необходимости с помощью официального протокола, и сделать соответствующие выводы на будущее.

172. Власти Бельгии также отмечали, что надзор за проведением судебного расследования осуществляла Обвинительная палата, куда заявитель мог обратиться с жалобой на его законность или на процессуальные нарушения при содействии своего адвоката в любой момент (см. выше § 107). Однако данная гарантия не играла важной роли в настоящем деле. Во-первых, на указанной стадии заявитель не обращался с жалобами, которые он позднее подал в суд присяжных, Кассационный суд Бельгии и в Европейский Суд, и, во-вторых, суды, проводившие досудебное расследование, не рассматривали процессуальные нарушения в настоящем деле, хотя они могли бы сделать это по своей инициативе.

173. Как указано в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (§ 254), жалобы в соответствии со статьей 6 Конвенции на стадии расследования в большинстве случаев формируются в ходе самого судебного разбирательства, когда сторона обвинения ссылается на доказательства, полученные в ходе досудебного производства, этап, на котором применяются ограничения прав, предусмотренных статьей 6 Конвенции, а сторона защиты стремится к исключению таких доказательств. В настоящем деле вопрос о том, следует ли принимать показания заявителя в качестве доказательств, был рассмотрен судом присяжных при открытии судебного разбирательства 1 февраля 2010 г. Заявитель при содействии своего адвоката подал ходатайство о признании недействительными показаний, которые он дал при допросе без адвоката, и о прекращении уголовного дела против него. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», он утверждал, что систематическое лишение его права на доступ к адвокату с момента его первого допроса в полиции было достаточным для установления нарушения статьи 6 Конвенции. В постановлении, вынесенном в тот же день, суд присяжных отклонил ходатайство заявителя и признал допустимыми в качестве доказательств все рассматриваемые протоколы, решив, что судебное разбирательство в отношении заявителя по-прежнему может считаться справедливым даже в отсутствие помощи адвоката в ходе допросов в полиции и дознания, проведенного следственным судьей (см. выше § 41).

174. Однако следует отметить, что суд присяжных не провел более глубокого анализа официальных протоколов или обстоятельств, при которых заявитель был допрошен сотрудниками полиции и следственным судьей, когда он и давал свои показания (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 69–84 и 282). Таким образом, отсутствуют какие-либо указания на то, что суд осуществил необходимый анализ последствий отсутствия адвоката в решающие моменты производства по делу. Подобное упущение тем более важно, что ввиду устного характера производства в суде присяжных и отсутствия подробного протокола слушания невозможно оценить влияние прений сторон в присутствии присяжных.

175. Относительно последующей оценки Кассационным судом Бельгии власти Бельгии пояснили, что сложившаяся в период, относившийся к обстоятельствам дела, прецедентная практика, которая заключалась в систематической отмене приговоров, основанных на показаниях подсудимых, данных против самих себя в отсутствие адвоката, была равносильна правилу об исключении доказательств. В тех случаях, когда допросы или дознание проводились без участия адвоката, Кассационный суд Бельгии анализировал вопрос о том, оказыва-

ли ли они влияние на справедливость судебного разбирательства, и отменял постановления судов первой инстанции, в которых учитывались показания подсудимых, данные против самих себя в отсутствие юридической помощи (см. выше §§ 66–70).

176. Европейский Суд отмечает, что Кассационный суд Бельгии впервые отменил постановление по указанным основаниям 15 декабря 2010 г., то есть после вынесения судом первой инстанции постановления по делу заявителя. В указанном постановлении Кассационный суд Бельгии указал, например, на необходимость оценивать влияние доказательств, полученных ненадлежащим образом, на исход судебного разбирательства. В настоящем деле из постановления Кассационного суда Бельгии не следует, что он провел оценку общей справедливости производства по делу с этой точки зрения. Скорее, при анализе производства по делу Кассационный суд Бельгии ориентировался на отсутствие показаний, данных против самого себя, в ходе допросов в полиции, а в отношении остальной части досудебного расследования, в течение которой право заявителя также было ограничено, он лишь отметил, что заявителя не принуждали свидетельствовать против самого себя и что он всегда свободно выражал свое мнение (см. выше § 48).

(δ) Характер показаний

177. Согласно мнению суда присяжных и Кассационного суда Бельгии показания заявителя, данные в ходе допросов и дознания, не носили характер свидетельства против самого себя и не содержали какого-либо признания. Власти Бельгии также придерживались данной позиции.

178. Тем не менее Европейский Суд напоминает о том, что право не свидетельствовать против самого себя не сводится к фактическим признаниям или комментариям, которые являются прямо инкриминирующими. Для того, чтобы показания считались свидетельством против самого себя, достаточно, чтобы они оказали существенное влияние на положение обвиняемого (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шмид-Лаффе против Швейцарии» (Schmid-Laffer v. Switzerland) от 16 июня 2015 г., жалоба № 41269/08, § 37, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга», § 72).

179. В настоящем деле хотя заявитель действительно не признавался в совершении инкриминируемых ему деяний и, следовательно, не свидетельствовал против самого себя *stricto sensu*, он, однако, дал подробные показания следователям, которые повлияли на линию допроса. Так, 31 декабря 2007 г., находясь под стражей в полиции, он признался, что находился на месте преступления, когда M.B. была убита, и что он угрожал свидетелю, как подтверждают очевидцы (см. выше § 24). На допросе 25 марта 2008 г. он также рассказал, что C.L. была беременна, он оставался с ней наедине 17 сентября 2007 г. и что он ударил ее. Данные сведения, касающиеся C.L., которые не были подтверждены какими-либо показаниями, кроме показаний потерпевшей (см. выше § 28), по-видимому, повлияли на положение заявителя. С указанного момента и в дальнейшем подозрения следователей о нападении на C.L., по их мнению, можно было рассматриваться только как обоснованные. Кроме того, поскольку заявитель несколько раз менял свою версию событий в ходе судебного расследования, тем самым подрывая общее доверие к нему, первая процедура дознания, проведенная следственным судьей, имела решающее значение. Напоминая о необходимости осуществления очень строгой проверки в отсутствие веских оснований для оправдания рассматриваемых ограничений, Европейский Суд считает, что вышеуказанным факторам следует придать существенную значимость при оценке общей справедливости производства по делу.

180. Заявитель жаловался на то, что следователи получили от него информацию 31 декабря 2007 г., в период его содержания под стражей в полиции, хотя он заранее не консультировался с адвокатом и не был уведомлен в достаточно ясной форме о своем праве хранить молчание и праве не свидетельствовать против самого себя. В этой связи Европейский Суд отмечает, что в начале первого допроса в полиции заявитель был явным образом уведомлен о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств (см. выше § 14). Такая информация, которую он также получал в начале каждого последующего допроса и дознания, была расценена как косвенно закрепляющая право хранить молчание в законодательстве Бельгии, поскольку законодательство в период, относившийся к обстоятельствам дела, прямо не предусматривало данное право (см. выше § 54).

181. С учетом вышеизложенной прецедентной практики (см. выше §§ 129–130) и в силу того, что заявитель не мог проконсультироваться с адвокатом до начала допроса или обеспечить присутствие адвоката в период его содержания под стражей в полиции, Европейский Суд с учетом обстоятельств настоящего дела не убежден в том, что информация, предоставленная следователями подобным образом, была достаточно ясной, чтобы гарантировать заявителю эффективное осуществление им права хранить молчание и не свидетельствовать против самого себя. Следовательно, нельзя не отметить, что заявитель дал существенные показания и в полной мере воспользовался своей свободой выбора или сокрытия фактов.

(ε) Использование доказательств и в случае оценки вины непрофессиональными присяжными содержание напутствий или указаний для них

182. Судебное разбирательство проходило в суде присяжных, непостоянном суде, состоящем из профессиональных судей, содействие которым оказывали присяжные заседатели (см. Постановление Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Taxquet v. Belgium) от 13 января 2009 г., жалоба № 926/05, §§ 18–21, и Постановление Европейского Суда по делу «Кастеллино против Бельгии» (Castellino v. Belgium) от 25 июля 2013 г., жалоба № 504/08, §§ 45–47, относительно состава суда присяжных и правил, регулирующих отбор присяжных заседателей; правила, регулирующие само проведение судебного разбирательства, см. в упоминавшемся выше Постановлении Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии», §§ 25–31, и в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лермитт против Бельгии», §§ 40–44).

183. Обвинительное заключение было зачитано в начале судебного разбирательства, перед прениями сторон. На 21-й странице были изложены семейная жизнь и прошлое заявителя, факты дела и как произошли события, следственные действия и их результаты, а также содержание медицинских экспертиз. В обвинительном заключении были указаны сведения, которые заявитель признал, а также различные версии событий.

184. Власти Бельгии оспорили довод заявителя о том, что обвинительное заключение в значительной степени было основано на его показаниях. Европейский Суд отмечает, что сторона обвинения также ссылалась на различные материалы, которые не имели отношения к показаниям заявителя и не зависели от них, а именно на показания свидетелей, выводы следователей, вещественные доказательства, собранные до задержания заявителя, а также на результаты медицинских и психиатрических экспертиз (см. выше § 43). Тем не менее, как отмечено выше (§ 178), показания заявителя с момента его допроса в полиции содержали подробный отчет о событиях, произошедших в день убийства, и были дополнены или опровергнуты столь же подробными последующими показаниями. Заявитель не отрицал, что присутствовал на месте преступления или что угрожал свидетелю. Он также спонтанно предоставил о C.L. информацию, которая могла стать основанием для его обвинения. Данные показания послужили для следователей основой, которая, вероятно, повлияла на обвинительное заключение, даже несмотря на то, что они уже получили некоторые доказательства до первого допроса заявителя.

185. Что касается того, повлияли ли указанные элементы на обсуждение и решение, принятое в результате присяжными, Европейский Суд учитывает тот факт, что обвинительное заключение имеет малое значение для понимания вердикта присяжных, поскольку оно зачитывается перед прениями сторон, на основе которых обычно формируются личные убеждения присяжных (см. упоминавшиеся Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Таске против Бельгии», § 95, и «Лермитт против Бельгии», § 77).

186. При этом в настоящем деле присяжные пришли к выводу, что покушение на убийство C.L. было обдумано заранее, как могло быть установлено, в частности, из показаний заявителя (см. выше §§ 45 и 179). Европейский Суд придает большое значение указанному выводу, поскольку он демонстрирует, что показания заявителя, данные в отсутствие адвоката, стали неотъемлемой частью доказательств, на основании которых был вынесен вердикт по соответствующему пункту обвинения.

187. Что касается других пунктов обвинительного заключения и, в частности, основного обвинения в убийстве M.B., Европейский Суд согласен с властями Бельгии в том, что присяжные полагались на доказательства, отличные от показаний заявителя, а именно на последовательные и подтверждающие друг друга свидетельские показания молодых людей, которые видели только обвиняемого и потерпевшую на месте преступления без присутствия каких-либо иных лиц, угрозы, ранее высказанные обвиняемым в адрес потерпевшей, а также различные меры, которые заявитель принял при подготовке к совершению преступления (см. выше § 45).

188. Вместе с тем Европейский Суд, рассмотрев протокол слушания от 1 февраля 2010 г., отмечает, что председатель суда присяжных не проинструктировал присяжных о том, какое значение они должны придавать многочисленным показаниям заявителя при обсуждении дела. Хотя необходимо учитывать особые процессуальные характеристики разбирательств в судах присяжных с участием непрофессиональных присяжных заседателей, которые самостоятельно выносят решение о виновности подсудимого, Европейский Суд отмечает, что в контексте дел, касающихся понимания обвиняемым мотивов вынесения вердикта, он подчеркивал важность любых напутствий или указаний, которые председатель дает присяжным заседателям в отношении возникающих правовых вопросов или представленных доказательств (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Таске против Бельгии», § 92, и «Лермитт против Бельгии», § 68). Такие напутствия или указания могут иметь особое значение для того, чтобы присяжные могли оценить последствия для справедливости судебного разбирательства любых про-

цессуальных нарушений, которые могли быть допущены на стадии расследования (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», §§ 274, 292 и 310). Несмотря на свои усилия по оценке общей справедливости производства по делу с учетом недавней прецедентной практики Европейского Суда (см. выше § 48), Кассационный суд Бельгии в ходе своего анализа, по-видимому, не учел влияния на решение присяжных отсутствия информирования их о тех сведениях, которые могли бы послужить для них указанием при оценке значимости показаний, данных заявителем без юридической помощи.

189. Таким образом, по мнению Европейского Суда, существенным недостатком является полное отсутствие в настоящем деле каких-либо напутствий или указаний относительно того, как присяжным следует оценивать показания заявителя в соотношении с другими доказательствами в деле и их доказательственную силу, хотя они были даны в отсутствие адвоката, и, что касается показаний, данных заявителем в период его содержания под стражей в полиции, без получения заявителем достаточно четкой информации о своем праве хранить молчание.

(ζ) Значимость общественного интереса

190. Без сомнения, разумные соображения общественного интереса оправдывали уголовное преследование заявителя, поскольку он обвинялся, в частности, по одному из пунктов обвинения в убийстве, а по двум – в покушении на убийство.

(η) Наличие в законодательстве и правоприменительной практике Бельгии иных процессуальных гарантий

191. Европейский Суд отмечает, что на соответствующий период Кассационный суд Бельгии принял во внимание ряд процессуальных гарантий, предусмотренных законодательством Бельгии, чтобы оценить соответствие Конвенции установленных законом ограничений на доступ к адвокату в период содержания под стражей в полиции (см. выше §§ 48 и 67).

192. Как Европейский Суд подчеркнул выше, в § 171, общая справедливость производства по делу не обеспечивается исключительно законодательством, которое предусматривает определенные гарантии в абстрактном виде. Только путем анализа их применения в рассматриваемом деле можно определить, было ли справедливым производство по делу в целом. В любом случае все гарантии, упомянутые Кассационным судом Бельгии, были учтены Европейским Судом при рассмотрении настоящего дела (см. выше §§ 165–190).

(θ) Вывод относительно общей справедливости производства по делу

193. В заключение, вновь подчеркнув необходимость проведения очень строгой проверки в отсутствие веских оснований для оправдания ограничения права на доступ к адвокату, Европейский Суд считает, что возбужденное против заявителя уголовное производство при его рассмотрении в целом не устраняло процессуальные недостатки, возникшие на досудебной стадии разбирательства. Нижеследующие недостатки можно считать особенно существенными.

(a) Ограничения права заявителя на доступ к адвокату были особенно обширными. Он был допрошен в период содержания под стражей в полиции без возможности заранее проконсультироваться с адвокатом или обеспечить присутствие адвоката. Кроме того, в ходе последующего судебного расследования адвокат не присутствовал при его допросах или проведении иных следственных действий.

(b) При таких обстоятельствах и в отсутствие достаточно четкой предварительной информации о своем праве хранить молчание заявитель дал подробные показания в период содержания под стражей в полиции. Впоследствии он представлял различные версии событий и давал показания, которые, хотя и не являлись свидетельством против самого себя *stricto sensu*, существенно повлияли на его положение, в частности, в том, что касается обвинения в покушении на убийство C.L.

(c) Все рассматриваемые показания были приняты в качестве доказательства судом присяжных без проведения надлежащего анализа обстоятельств, при которых они были даны, или влияния, которое на них оказало отсутствие адвоката.

(d) Хотя Кассационный суд Бельгии рассмотрел вопрос о допустимости уголовного дела, также стремясь установить, было ли соблюдено право на справедливое судебное разбирательство, он сосредоточил свое внимание на отсутствии адвоката в период содержания под стражей в полиции без оценки последствий для права заявителя на защиту отсутствия адвоката при проведении допросов в полиции, процедур дознания следственным судьей и иных действий, совершенных в ходе последующего судебного расследования.

(e) Показания заявителя сыграли важную роль в обвинительном заключении и, что касается обвинения в покушении на убийство C.L., составили неотъемлемую часть доказательств, на которых было основано осуждение заявителя.

(f) При рассмотрении дела в суде присяжных присяжные заседатели не получили каких-либо напутствий или указаний относительно того, как следует оценивать показания заявителя и их доказательственную силу.

194. Европейский Суд считает важным подчеркнуть, как и в других делах в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в которых проводилась оценка общей справедливости производства по делу, что Европейский Суд не должен выступать в качестве суда четвертой инстанции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шачашвили против Германии», § 124). Тем не менее при проведении такой оценки, как того требует пункт 1 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд должен тщательно анализировать, как осуществлялось производство по делу на внутригосударственном уровне, и очень строго подходить к проверке, если ограничение права на доступ к адвокату не было оправдано вескими основаниями. В настоящем деле именно совокупность различных вышеупомянутых факторов, а не каждого из них в отдельности делает производство по делу в целом несправедливым.

(iv) Общий вывод

195. Соответственно, имело место нарушение пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

196. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

197. Заявитель утверждал, что ему был причинен моральный вред ввиду отсутствия юридической помощи в ходе досудебного производства (в период содержания под стражей в полиции и судебного расследования), и оценил указанный вред в размере 5 000 евро.

198. Власти Бельгии утверждали, что, если Европейский Суд присудит заявителю какую-либо сумму в качестве справедливой компенсации, будет разумно ограничить ее 3 000 евро.

199. Как неоднократно подчеркивал Европейский Суд, из вывода Европейского Суда о нарушении пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции в деле заявителя не следует, что обвинительный приговор был вынесен ему ошибочно, и невозможно строить предположения, как могло бы закончиться дело, если бы отсутствовало нарушение Конвенции (см. упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Дворский против Хорватии», § 117, и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», § 315). В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд полагает, что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией, и, таким образом, отклоняет требование заявителя.

200. Европейский Суд отмечает, что статья 442*bis* Уголовно-процессуального кодекса Бельгии предусматривает возможность возобновления производства по делу в отношении осужденного (см. выше § 78). В этой связи Европейский Суд напоминает о том, что, хотя это может считаться важным аспектом исполнения его постановлений, возобновление производства по делу не является единственным способом исполнения постановления Европейского Суда. Использование данной возможности в настоящем деле при необходимости будет являться предметом оценки Кассационного суда Бельгии с учетом законодательства Бельгии и конкретных обстоятельств дела (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морейра Феррейра против Португалии (№ 2)» (Moreira Ferreira v. Portugal) (№ 2) от 11 июля 2017 г., жалоба № 19867/12[1], §§ 94 и 99). Этот вопрос должен быть урегулирован органами государственной власти Бельгии, а не Европейским Судом.

На основании изложенного Большая Палата Европейского Суда единогласно:

1) *объявила* жалобу приемлемой для рассмотрения по существу;

2) *постановила*, что имело место нарушение пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции;

3) *постановила*, что установление факта нарушения Конвенции само по себе будет являться достаточной справедливой компенсацией морального вреда, причиненного заявителю.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 9 ноября 2018 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель Секретаря	Председатель
Большой	Большой
Палаты Суда	Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается совместное совпадающее мнение судей Анны Юдковской, Небойши Вучинича, Ксении Туркович и Латифа Хусейнова.

[1] См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 8 (*примеч. редактора*).

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АННЫ ЮДКОВСКОЙ, НЕБОЙШИ ВУЧИНИЧА, КСЕНИИ ТУРКОВИЧ И ЛАТИФА ХУСЕЙНОВА

«История свободы – это прежде всего история соблюдения процедурных требований».
Феликс Франкфуртер

«Форма – это заклятый враг любого произвола и сестра-близнец свободы»[1].
Рудольф фон Иеринг

A. ВВЕДЕНИЕ

1. Мы голосовали совместно с нашими коллегами за установление нарушения пункта 1 и подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции в настоящем деле. Однако хотя мы согласны с данным выводом, мы при всем уважении не согласны с мотивировочной частью настоящего Постановления, а именно с частью, устанавливающей руководящие принципы для ситуаций, касающихся общих и обязательных законодательных ограничений права на доступ к адвокату в период досудебного производства. По нашему мнению, обоснование вывода в настоящем деле существенно отклоняется от прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу и, в конечном счете, проистекает из неправильного толкования этой прецедентной практики. В частности, оно противоречит принципам, установленным в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции»[2] (далее также – дело «Салдуз против Турции») и в последующих значимых постановлениях. Настоящее Постановление умаляет значимость минимальных прав или гарантий, содержащихся в пункте 3 статьи 6 Конвенции, независимо от того, понимаются ли они как независимые права или просто как элементы права на справедливое судебное разбирательство или на надлежащее отправление правосудия.

2. По нашему мнению, ссылка на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства»[3] (далее также – дело «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства») в качестве руководящего принципа в настоящем деле неуместна по трем основным причинам. Во-первых, дело «Бёз против Бельгии» по своему типу аналогично делу «Салдуз против Турции» и существенно отличается от дела «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства». В то время как в деле «Салдуз против Турции» жалобы заявителя касались установленных законом ограничений права на доступ к адвокату, которые носили общий и обязательный характер[4], в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» данное ограничение было предусмотрено законом, но оно не было ни общим, ни обязательным[5]. Большая Палата Европейского Суда признает это (см. § 116 настоящего Постановления), однако она решила рассматривать такие в корне различные ситуации с одной и той же точки зрения без какого-либо глубокого анализа таких различий. Мы полагаем, что указанные две ситуации, когда речь идет об обеспечении минимальных прав на помощь адвоката в ходе досудебного производства, заслуживают иного отношения и рассматривались иным образом до вынесения настоящего Постановления.

3. Во-вторых, при всем уважении мы не согласны с тем, что в деле «Салдуз против Турции» предусмотрены два этапа анализа, что в любом случае будет обуславливать необходимость анализа общей справедливости производства по делу (см. § 139 настоящего Постановления). Напротив, мы полагаем, что дело «Салдуз против Турции» следовало иному направлению и что оно в действительности признало судебное разбирательство в целом несправедливым автоматически при соблюдении определенных условий. Кроме того, мы не считаем дело «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» простым уточнением принципов, изложенных в деле «Салдуз против Турции», и, таким образом, их заменой. На наш взгляд, указанные дела дополняют друг друга, как мы поясним ниже.

4. В-третьих, в отличие от наших коллег мы не видим в судебной практике, сформированной после вынесения Постановления по делу «Салдуз против Турции» и относящейся к ситуациям аналогичного вида, какого-либо подтверждения толкования дела «Салдуз против Турции» большинством судей (см. § 140 настоящего Постановления). По нашему мнению, в делах, рассматриваемых после

[1] Цит. по: *Брановицкий К.Л.* Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон. 2014. № 4. С. 177 (*примеч. переводчика*).

[2] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» (Salduz v. Turkey), жалоба № 36391/02, *ECHR* 2008.

[3] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (Ibrahim and Others v. United Kingdom) от 13 сентября 2016 г., жалоба № 50541/08 и три другие жалобы (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 12 (*примеч. редактора*)).

[4] Законодательство накладывало ограничения на предоставление юридической помощи по категории правонарушений (дело «Салдуз против Турции») или в целом (дело «Бёз против Бельгии») на этапе досудебного производства, и такое ограничение применялось автоматически. Независимо от обстоятельств в конкретном деле подозреваемый или обвиняемый не имел права на юридическую помощь.

[5] Ограничение юридической помощи применялось к некоторым правонарушениям, но на несистемной основе с учетом обстоятельств дела. Таким образом, в целом право на помощь адвоката существует, но оно может быть исключено при некоторых заранее определенных обстоятельствах.

вынесения Постановления по делу «Салдуз против Турции», против Турции или других стран, Европейский Суд не проводил проверку общей справедливости в ситуациях, подобных той, что рассматривалась в деле «Салдуз против Турции». Как мы продемонстрируем, Европейский Суд не сделал этого даже в двух делах, упомянутых в § 140 настоящего Постановления в качестве примеров проверки общей справедливости в ситуациях, как та, что рассматривалась в деле «Салдуз против Турции»[1]. Фактически объем защиты права на досудебную юридическую помощь, установленный в деле «Салдуз против Турции», был не только подтвержден судебной практикой, сформированной после вынесения Постановления по указанному делу, но и был значительно расширен[2].

5. По нашему мнению, которое мы будет доказывать, важно следовать так называемой доктрине дела Салдуза в целях сохранения целостности судебного производства и, следовательно, ценностей цивилизованных обществ, основанных на верховенстве права[3].

B. ДЕЛО «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ» – АВТОМАТИЧЕСКОЕ НАРУШЕНИЕ ПО СРАВНЕНИЮ С ОЦЕНКОЙ ОБЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

6. Центральный вопрос в деле «Салдуз против Турции» касался допустимости в качестве доказательства против заявителя признания, сделанного им в ходе допроса в полиции, когда ему было отказано в доступе к адвокату на основании общего и обязательного законодательного ограничения права на юридическую помощь в период содержания под стражей в полиции. Палата Европейского Суда следовала традиционному подходу в настоящем деле, оценила общую справедливость производства по делу и на основании такой оценки[4] не установила нарушений. В отличие от Палаты Суда Большая Палата Европейского Суда, установив, что власти Турции не привели какого-либо обоснования для отказа заявителю в доступе к адвокату, за исключением того, что оно систематически предусматривалось соответствующими правовыми нормами, пришла к выводу о том, что «само это едва ли соответствует требованиям статьи 6 Конвенции…» (см. *ibid.*, § 56, *in fine*). Одним словом, представляется, что Большая Палата Европейского Суда единогласно решила отойти от традиционного комплексного подхода в пользу установления автоматического нарушения[5].

7. Однако Большая Палата Европейского Суда в деле «Салдуз против Турции» не остановилась на этом, а продолжила рассмотрение дела по существу. Для наших коллег в настоящем деле сам факт продолжения анализа означал, что в деле «Салдуз против Турции» был установлен двухступенчатый критерий (во-первых, установление наличия веских оснований и, во-вторых, анализ общей справедливости производства по делу), который должен был применяться в равной степени к делам, касающимся законодательных ограничений общего и обязательного характера, а также к делам, касающимся ограничений, вытекающих из конкретных решений компетентных органов (см. § 139 настоящего Постановления). На наш взгляд, это слишком упрощенное толкование, противоречащее не только духу дела «Салдуз против Турции», но и формулировкам, используемым в указанном деле[6]. К тому же, зачем Европейскому Суду в деле «Салдуз против Турции» пытаться проводить различие между разными описанными выше ситуациями только для того, чтобы прийти к выводу о том, что к ним следует относиться одинаково?

---

[1] Постановление Европейского Суда по делу «Чаркчы против Турции (№ 2)» (Çarkçı v. Turkey) (№ 2) от 14 октября 2014 г., жалоба № 28451/08, и Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга» (A.T. v. Luxembourg) от 9 апреля 2015 г., жалоба № 30460/13.

[2] См. пункт 9 настоящего особого мнения.

[3] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии» (Gäfgen v. Germany) от 1 июня 2010 г., жалоба № 22978/05.

[4] «…В суде первой инстанции и в апелляционном суде интересы заявителя представлял его адвокат, и… показания, данные заявителем в полиции, не были единственным доказательством его вины… Заявитель имел возможность оспорить утверждения обвинения на условиях, не ставящих его в невыгодное положение по сравнению с другой стороной» (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 46 (краткое изложение Постановления Палаты Суда от 26 апреля 2007 г.).

[5] Одно из возможных толкований данного пункта может заключаться в том, что отсутствие веских оснований для ограничения права на доступ к адвокату само по себе является достаточным для установления нарушения статьи 6 Конвенции. Данное толкование было дано судьей Георгием Г. Сергидесом в его частично особом мнении, приложенном к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии» (Simeonovi v. Bulgaria) от 12 мая 2017 г., жалоба № 21980/04) (см. пункты 5–7) (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 3 (*примеч. редактора*)).

[6] В частности, мы ссылаемся на два важных предложения. Во-первых, «таким образом, не было представлено иного обоснования для отказа заявителю в доступе к помощи адвоката, кроме как то, что такая ситуация на системной основе предусматривалась соответствующими правовыми нормами. Уже само это едва ли соответствует требованиям статьи 6 Конвенции в этой связи с учетом принципов, указанных выше в § 52» (см. дело «Салдуз против Турции», § 56, *in fine*, выделено нами). Во-вторых, «таким образом, в настоящем деле заявитель, несомненно, был затронут ограничением на доступ к адвокату, поскольку его показания в полиции были использованы для признания его виновным. Ни помощь адвоката в дальнейшем, ни состязательный характер последующего производства не могли исправить недостатки, которые имели место в период содержания под стражей в полиции» (см. *ibid*., § 58, выделено нами).

8. Фактически наши коллеги не признали, что дополнительный анализ проводился исключительно в форме высказывания дальнейших замечаний («Европейский Суд далее отмечает…», *ibid.*, § 57). Таким образом, с одной стороны, указанный дополнительный анализ можно истолковать как вытекающий из избыточной осторожности, *ex abundanti cautela*[1], как достаточно подробно пояснил судья Георгий Г. Сергидес в его частично особом мнении, приложенном к Постановлению по делу «Симеоновы против Болгарии»[2]. С другой стороны, указанный дополнительный анализ может считаться необходимым для проверки того, что сам заявитель, несомненно, был затронут таким ограничением. Представляется, что Европейский Суд использовал данную возможность для подтверждения принципа, согласно которому в контексте отсутствия веских оснований при одновременном наличии общего и обязательного законодательного ограничения права на доступ к адвокату сам факт того, что показания заявителя, данные в полиции в отсутствие адвоката, были впоследствии использованы для его осуждения, является достаточным доказательством того, что заявитель, безусловно, был затронут таким ограничением. Европейский Суд подчеркивал, что в подобной ситуации анализ общей справедливости будет бесполезным, поскольку «ни помощь адвоката в дальнейшем, ни состязательный характер последующего производства не могли исправить недостатки, которые имели место в период содержания под стражей в полиции» (см. дело «Салдуз против Турции», § 58). Одним словом, Европейский Суд ввел презумпцию, согласно которой производство по делу в целом должно считаться несправедливым каждый раз, когда показания обвиняемого против самого себя, данные в ситуации, подобной той, что имела место в деле «Салдуз против Турции», используются для его осуждения. Европейский Суд просто посчитал первый допрос подозреваемого полицией решающим моментом, который имеет большое значение для уголовного производства в целом, моментом, который заслуживает особого отношения.

В этой ситуации отказ в доступе к адвокату не может рассматриваться как несущественная ошибка независимо от иных возможных процессуальных гарантий, которые могут быть доступны. Соответственно, Европейский Суд также принял меры к тому, чтобы разъяснить, что установление автоматического нарушения при таких обстоятельствах не следует ошибочно принимать за абстрактный пересмотр законодательства государства-ответчика[3].

C. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ДЕЛУ «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ»

9. Принципы, установленные в деле «Салдуз против Турции» относительно законодательного ограничения права на доступ к адвокату, которое носило общий и обязательный характер, если ограничения применялись повсеместно или были сведены к определенным правонарушениям, достаточно добросовестно соблюдались и даже получили дальнейшее развитие в последующих делах подобного типа[4]. Во многих делах, большинство из которых являлись не только делами против Турции, но и делами против других государств, в частности, Монако, Люксембурга, Мальты, Бельгии и Франции, Европейский Суд не анализировал общую справедливость производства по делу, но устанавливал автоматическое нарушение на основе систематического законодательного ограничения (см. Постановление Европейского

[1] *Ex abundanti cautela* (лат.) – от избытка осторожности (*примеч. переводчика*).

[2] См. пункт 9 частично особого мнения судьи Георгия Г. Сергидеса, приложенного к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии».

[3] Большой Палате Европейского Суда было важно продемонстрировать, что она не осуществляет абстрактный пересмотр законодательства Турции, а что ее единственная задача состоит в том, чтобы определить, соответствует ли способ применения оспариваемого законодательства к заявителю статье 6 Конвенции.

[4] Например, право на доступ к адвокату возникает также в ходе процессуальных действий, таких как процедуры опознания или реконструкция событий (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим Остюрк против Турции» (İbrahim Öztürk v. Turkey), жалоба № 16500/04, §§ 48–49, и Постановление Европейского Суда по делу «Тюрк против Турции» (Türk v. Turkey), жалоба№ 22774/07, § 47). Кроме того, было установлено нарушение, несмотря на то, что заявитель хранил молчание в период содержания под стражей в полиции (см.: Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (Dayanan v. Turkey) от 22 сентября 2009 г., жалоба № 7377/03, § 33), и несмотря на то, что показания заявителя не содержали признания вины (см.: Постановление Европейского Суда по делу «Ешилкая против Турции» (Yeşilkaya v. Turkey) от 8 декабря 2009 г., жалоба № 59780/00). В вышеупомянутом Постановлении Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» (§ 32) было указано, что адвокат должен оказывать помощь подозреваемому «как только он будет заключен под стражу… и не только в ходе допроса», и подозреваемый должен иметь возможность «получать весь спектр услуг, которые предметно связаны с юридической помощью». Наконец, в Постановлении Европейского Суда по делу «Брюско против Франции» Европейский Суд устранил какие-либо сомнения в отношении присутствия адвоката на допросах, постановив, что обвиняемый имел право на помощь адвоката с самого начала его содержания под стражей, а также во время допроса (*ainsi que pendant les interrogatoires*) (см.: Постановление Европейского Суда по делу «Брюско против Франции» (Brusco v. France) от 14 октября 2010 г., жалоба № 1466/07, §§ 45 и 54).

Суда по делу «Даянан против Турции», § 33[1], Постановление Европейского Суда по делу «Боз против Турции» (Boz v. Turkey) от 9 февраля 2010 г., жалоба № 2039/04, § 35[2], упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ешилкая против Турции», § 31[3], Постановление Европейского Суда по делу «Стойкович против Франции и Бельгии» (Stojković v. France and Belgium) от 27 октября 2011 г., жалоба № 25303/08, §§ 51–57[4], Постановление Европейского Суда по делу «Навон и другие против Монако» (Navone and Others v. Monaco) от 24 октября 2013 г., жалобы №№ 62880/11, 62892/11 и 62899/11, §§ 80–85[5], и Постановление Европейского Суда по делу «Борг против Мальты» (Borg v. Malta) от 12 января 2016 г., жалоба № 37537/13, §§ 59–63[6]).

10. Кроме того, как четко следует из указанного выше перечня, принципы, установленные в деле «Салдуз против Турции», применялись в отношении различных юрисдикций, а не только Турции, как предполагается в настоящем Постановлении (см. § 140 настоящего Постановления)[7]. Мы находим это предположение не только необоснованным, но и имеющим негативные последствия, поскольку можно прийти к выводу о том, что Европейский Суд действовал предвзято по отношению к одному государству, в данном случае к Турции, что, конечно, не соответствует действительности, поскольку тот же принцип, как указано выше, применялся в делах против других государств, которые вводили в свое законодательство систематические ограничения права на доступ к адвокату в ходе досудебного производства.

11. Кроме того, в настоящем Постановлении (см. *ibid*.) утверждается, что в большинстве соответствующих дел Европейский Суд склонялся к менее абсолютному подходу и проводил анализ общей справедливости разбирательства по делу. В целях обоснования данного довода Большая Палата

[1] В вышеупомянутом Постановлении по делу «Даянан против Турции» (§ 33) Европейский Суд указал: «Подобное системное ограничение [отсутствие юридической помощи в период содержания под стражей в полиции] на основании соответствующих законодательных положений само по себе является достаточным для того, чтобы установить нарушение статьи 6 Конвенции…». В указанном деле автоматический характер нарушения строго применялся даже несмотря на то, что заявитель хранил молчание в период содержания под стражей в полиции. Последний факт был признан несущественным ввиду характера ограничения: оно представляло собой систематическое ограничение на основе закона, которое согласно делу «Салдуз против Турции» не требовало дальнейшего анализа справедливости судебного разбирательства в целом.

[2] В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Боз против Турции» (§ 35) Европейский Суд вновь подтвердил тот же принцип: «Само по себе такое систематическое ограничение на основе соответствующих правовых норм позволяет сделать вывод о том, что имело место нарушение требований статьи 6 Конвенции».

[3] В вышеупомянутом Постановлении по делу «Ешилкая против Турции» (§ 31) вновь был строго применен автоматический характер нарушения несмотря на то, что показания заявителя не содержали признания вины. Последний факт был признан несущественным ввиду характера ограничения: систематическое ограничение на основе закона, которое согласно делу «Салдуз против Турции» не требовало дальнейшего анализа общей справедливости.

[4] «Европейский Суд полагает, что, если ограничение рассматриваемого права первоначально не могло быть приписано властям Франции, то они в отсутствие веских причин для данного ограничения должны были гарантировать, что оно не поставило под угрозу справедливость рассмотрения дела. В связи с этим довод о том, что это ограничение является следствием систематического применения соответствующих правовых положений, является неуместным и недостаточным, чтобы сделать вывод о том, что имело место нарушение требований статьи 6 Конвенции (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салдуз против Турции” § 56, и, *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Боз против Турции”, § 35)» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Стойкович против Франции и Бельгии», § 55). Впоследствии в Постановлении по делу «Стойкович против Франции и Бельгии» Европейский Суд, ссылаясь на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», пришел к выводу, что производства в органах государственной власти Бельгии противоречили статье 6 Конвенции лишь на основании систематического законодательного ограничения права на доступ к адвокату, не проводя оценку общей справедливости соответствующих разбирательство. В конечном счете, Европейский Суд пришел к заключению, что последующие действия, предпринятые властями Франции, не могли устранить изначальный недостаток, связанный с законодательством Бельгии

[5] «Более того, уже было установлено, что систематическое применение соответствующих правовых норм, исключающих возможность оказания помощи адвоката во время допросов, само по себе является достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о нарушении требований статьи 6 Конвенции (см. прежде всего упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салдуз против Турции”, §§ 56 и 61–62)». В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Навон и другие против Монако» автоматический характер нарушения применялся строго, и Европейский Суд счел анализ того, был ли отказ от права на помощь адвоката осуществлен надлежащим образом, несущественным для установления нарушения.

[6] В § 62 упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Борг против Мальты» Европейский Суд подчеркнул: «Следовательно, и в настоящем деле заявителю было отказано в праве на юридическую помощь на этапе досудебного производства в результате систематического ограничения, применимого ко всем обвиняемым. Сам этот факт едва ли соответствует требованиям статьи 6 Конвенции, а именно тому, что право на помощь адвоката на начальных этапах допроса в полиции может быть ограничено только при наличии веских оснований (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 52, 55 и 56)». Кроме того, Европейский Суд отметил, что в подобных делах нельзя полагаться на утверждение о том, что заявитель был проинформирован о своем праве хранить молчание и что отказ от права, которое было недоступно, в любом случае невозможен.

[7] «Однако в ряде дел, все из которых касались Турции, Европейский Суд не рассматривал вопрос о веских основаниях и не анализировал справедливость производства по делу».

Европейского Суда ссылается на «иные органы», но приводит только два дела, а именно Постановление Европейского Суда по делу «Чаркчы против Турции (№ 2)» (Çarkçı v. Turkey) (№ 2) от 14 октября 2014 г., жалоба № 28451/08, §§ 43–45) и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга». Однако в первом деле заявитель жаловался не только на то, что ему не была оказана юридическая помощь на ранних этапах производства по делу, но и на то, что доказательства, полученные незаконным путем (показания без его подписи, предположительно составленные, когда он находился без сознания) были использованы против него. Таким образом, Европейский Суд счел необходимым рассмотреть оба вопроса ввиду точности и серьезности каждой жалобы, а не потому, что он чувствовал необходимость проводить общую оценку справедливости для установления нарушения, вытекающего из системного законодательного ограничения доступа к адвокату. Европейский Суд также напомнил, что при таких обстоятельствах «ни помощь адвоката в дальнейшем, ни состязательный характер последующего производства не могли исправить недостатки, которые имели место ранее» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Чаркчы против Турции (№ 2)», § 45, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 58).

12. В вышеупомянутом Постановлении Европейского Суда по делу «A.T. против Люксембурга» стороны не пришли к единому мнению о том, какое законодательство применимо к допросу заявителя в полиции. Власти государства-ответчика утверждали, что заявитель мог получить юридическую помощь, но отказался от такого права. Европейский Суд не согласился с данным утверждением. В частности, он установил, что в отношении допроса в полиции действовавшие в соответствующий период законодательные положения косвенно исключали помощь адвоката лицам, задержанным на основании европейского ордера на арест, выданного Люксембургом. Поскольку суд государства-ответчика не устранил последствия такого отсутствия помощи, исключив из мотивировочной части своего решения показания, данные в ходе допроса, Европейский Суд в этой связи установил, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции. Одним словом, Европейский Суд в ситуации, аналогичной той, что имела место в деле «Салдуз против Турции», полагался на презумпцию, введенную в указанном деле. Поскольку показания против самого себя не были исключены из материалов дела, Европейский Суд автоматически счел производство по делу в целом несправедливым.

13. Что касается первой явки заявителя к следственному судье, Европейский Суд постановил, что законодательство должно было однозначно гарантировать наличие у заявителя возможности проконсультироваться со своим адвокатом до проведения слушания. Поскольку у A.T. не было возможности общаться с адвокатом до проведения слушания, Европейский Суд установил в этом деле нарушение статьи 6 Конвенции. Ни в одной из указанных двух ситуаций Европейский Суд не проводил анализ общей справедливости разбирательства по делу.

14. Как будет показано выше, между делами, рассматриваемыми после дела «Салдуз против Турции», отсутствовали какие-либо существенные различия. Вопреки утверждению Большой Палаты Европейского Суда ни в одном из приведенных выше дел не проводилась оценка общей справедливости в соответствии со статьей 6 Конвенции.

D. ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩИЕ И ЧАСТИЧНО ДОПОЛНЯЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА ДЕЛА «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ» И «ИБРАГИМ И ДРУГИЕ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»

15. При всем уважении мы не согласны с тем, что двухступенчатый подход к нарушениям процессуальных прав на защиту в ходе досудебного производства (который состоит, во-первых, из оценки наличия веских оснований и, во-вторых, из анализа общей справедливости производства по делу) до вынесения настоящего Постановления применялся одинаково как к правовому контексту, в котором имело место общее и обязательное законодательное ограничение права на доступ к адвокату, так и к правовому контексту, в котором такое ограничение отсутствовало (см. § 139 настоящего Постановления). Как мы пояснили выше, в деле «Салдуз против Турции» было установлено нарушение подпункта «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции без какой-либо необходимости последующей оценки общей справедливости в ситуации, когда отсутствие веских оснований совпадало с наличием общего и обязательного законодательного ограничения права на доступ к адвокату. В деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» Большая Палата Европейского Суда непосредственно не рассмотрела вопрос о том, подлежал ли двухэтапный подход применению при наличии систематического, то есть общего и обязательного, законодательного ограничения. В указанном деле Большая Палата Европейского Суда просто не столкнулась с такой ситуацией. В данном деле Европейский Суд рассмотрел задержку доступа к адвокату, которая затронула лиц, подозреваемых в терроризме, в ситуации «бомбы замедленного действия», когда исключительная отсрочка доступа к адвокату была четко определена законодательством о борьбе с терроризмом. Соответственно, к делам, касающимся законодательных ограничений общего и обязательного характера,

по-прежнему применялись принципы, установленные в деле «Салдуз против Турции», даже после вынесения Постановления по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства».

16. При этом изложенная выше позиция не применяется к другой части Постановления по делу «Салдуз против Турции», а именно к той, в которой Европейский Суд подтвердил позицию, принятую в Постановлении Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» и в своей последующей прецедентной практике[1], согласно которой даже при наличии веских оснований для ограничения доступа к адвокату в период содержания лица под стражей в полиции необходимо анализировать общую справедливость производства по делу (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 55). Европейский Суд принял данную позицию, поскольку даже обоснованное ограничение может лишить обвиняемого права на справедливое судебное разбирательство (см. *ibid*., § 52). Дело «Салдуз против Турции» подтверждает необходимость второго этапа анализа, который состоит в оценке общей справедливости, но только в отношении дел, по которым выявлены веские основания, и с важной оговоркой о том, что право на защиту будет непоправимо нарушено, если показания, данные против самого себя в ходе допроса сотрудниками полиции в отсутствие адвоката, будут использоваться в целях осуждения (см. *ibid*., § 55). Дело «Салдуз против Турции» в указанной части было в дальнейшем разъяснено и консолидировано в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» путем определения термина «веские основания», а также критериев, в соответствии с которыми должен проводиться анализ общей справедливости[2].

17. Наконец, в деле «Салдуз против Турции» не было высказано мнения по поводу ситуаций, в которых подозреваемому или обвиняемому было бы отказано в праве на доступ к адвокату в период содержания под стражей в полиции без веских оснований и в нарушение закона, предусматривающего такое право[3]. Тот факт, что методология, разработанная в деле «Салдуз против Турции», не применяется в подобных ситуациях, уже был установлен при рассмотрении последующих дел против Турции, которые касались отказа в доступе к адвокату, налагаемого компетентными органами Турции в отсутствие веских оснований, после изменения властями Турции оспариваемого закона и снятия общего и обязательного законодательного ограничения доступа[4]. В этих случаях Европейский Суд пришел к выводу, что следует провести традиционную проверку общей справедливости. В указанных делах Европейский Суд занял позицию, согласно которой следует проводить традиционный анализ общей справедливости. Позднее в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» Европейский Суд дополнительно разъяснил подход к рассмотрению данных дел и подчеркнул, что он должен очень строго подходить к анализу общей справедливости по подобным делам и что бремя доказывания будет возложено на власти государства-ответчика, которые должны будут убедительно доказать, почему в порядке исключения в конкретных обстоятельствах дела

[1] Постановление Европейского Суда по делу «Джон Мюррей против Соединенного Королевства» (John Murray v. United Kingdom) от 8 февраля 1996 г., § 63, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-I, Постановление Европейского Суда по делу «Мэджи против Соединенного Королевства» (Magee v. United Kingdom), жалоба № 28135/95, § 45, *ECHR* 2000-VI, и Постановление Европейского Суда по делу «Бреннан против Соединенного Королевства» (Brennan v. United Kingdom), жалоба № 39846/98, § 44, *ECHR* 2001-X.

[2] В настоящем Постановлении развитие указанной прецедентной практики с момента вынесения Постановления по делу «Салдуз против Турции» описывается как «последовательное» (см. § 152). Конечно, особые и частично особые мнения в делах «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и «Симеоновы против Болгарии» ставят под сомнение это утверждение. Разъяснения по двум указанным делам, безусловно, в некоторых аспектах приняли неожиданные повороты и зачастую не были столь многообещающими для прав на защиту, как это желательно во многих кругах и как стало возможным благодаря делу «Салдуз против Турции». См. пункты 2–21 совместного частично особого, частично совпадающего мнения судей А. Шайо и Ю. Лаффранк, приложенного к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства».

[3] Однако следующие параграфы в вышеупомянутом Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции» свидетельствуют о том, что оценка общей справедливости может потребоваться **только** при наличии веских оснований для ограничения, как отметил судья Георгий Г. Сергидес в пунктах 5–7 частично особого мнения, приложенного к упоминавшемуся выше Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии»: во-первых, «положения статьи 6 Конвенции обычно требуют предоставления обвиняемому услуг адвоката уже на начальных стадиях расследования сотрудниками полиции. Вместе с тем признается, что это право может подлежать ограничениям при наличии веских оснований… Таким образом, **в каждом конкретном деле** вопрос заключается в том, **было ли ограничение обоснованным, и, если это так**, то с учетом производства по делу в целом не привело ли оно к лишению обвиняемого права на справедливое судебное разбирательство, что при определенных обстоятельствах может произойти и в случае обоснованного ограничения…» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 52, выделено нами); и, во-вторых, «**даже если веские основания могут обоснованно позволить отказать** в доступе к услугам адвоката, подобные ограничения независимо от причин не могут незаконно причинить вред правам обвиняемого, гарантируемым статьей 6 Конвенции…» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 55, выделено нами).

[4] См.: Постановление Европейского Суда по делу «Шаман против Турции» (Şaman v. Turkey) от 5 апреля 2011 г., жалоба № 35292/05, §§ 34–38.

ограничение доступа к юридической помощи не причинило непоправимого ущерба общей справедливости производства по уголовному делу (см. *ibid.*, § 265). Таким образом, дело «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» фактически развивало указанный стандарт в направлении бóльшей защиты прав обвиняемого по сравнению с прецедентной практикой, сформированной после вынесения Постановления по делу «Салдуз против Турции».

18. Мы согласны с коллегами в том, что дело «Салдуз против Турции» можно рассматривать как вводящее два параметра (обоснование – наличие веских оснований и правовой контекст – наличие общего и обязательного законодательного ограничения доступа к адвокату) для проведения различий между четырьмя разными совокупностями обстоятельств (категории ситуаций, практически «идеальные типы»), при которых заявитель может быть лишен юридической помощи в ходе досудебного производства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», §§ 55 и 56, а также § 139 настоящего Постановления). Мы также согласны с тем, что в некоторой степени можно считать, что анализ в делах «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» развивается в этом направлении. Однако мы категорически не согласны с тем, что двухэтапный подход, изложенный в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», представляет собой простое разъяснение и дальнейшее последовательное развитие двухэтапного подхода, который имел место в деле «Салдуз против Турции», как это утверждают большинство судей (см. §§ 139, 141 и 152 настоящего Постановления). Хотя данное утверждение справедливо в отношении критерия, связанного с ситуациями, когда имеются веские основания для ограничения права на доступ к адвокату (см. пункт 16 настоящего особого мнения[1]), этого нельзя сказать о критериях, связанных с ситуациями, в которых отсутствуют веские основания для такого ограничения. В делах «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» были разработаны разные критерии, каждый из которых относился к определенному правовому контексту. Критерий в деле «Салдуз против Турции» (вводящий презумпцию, согласно которой нарушение статьи 6 Конвенции имеет место в том случае, если показания против самого себя были даны обвиняемым сотрудникам полиции в отсутствие помощи адвоката, используются для осуждения обвиняемого) применяется к ситуации, когда имеется общее и обязательное законодательное ограничение права на доступ к адвокату (см. пункты 8 и 15 настоящего особого мнения), в то время как критерий в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (требующий очень строгого подхода к оценке общей справедливости) касается ситуации, при которой подобные общие и обязательные законодательные ограничения отсутствуют (см. пункт 17 настоящего особого мнения). Таким образом, дела «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» следует считать частично совпадающими и частично дополняющими друг друга. Они частично совпадают в ситуациях, когда имеются веские основания для отказа в помощи адвоката, и оба требуют применения критерия общей справедливости. Они дополняют друг друга в случаях отсутствия веских оснований. Так, «критерий презумпции, которая ведет к установлению автоматического нарушения», в деле «Салдуз против Турции» охватывает ситуации, при которых имеется общее и обязательное законодательное ограничение права на доступ к адвокату, а «критерий строгой проверки общей справедливости» в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» применяется в случаях, когда такие ограничения отсутствуют.

E. ОТКАЗ ОТ КРИТЕРИЯ, УСТАНОВЛЕННОГО В ДЕЛЕ «САЛДУЗ ПРОТИВ ТУРЦИИ»

19. Мы сожалеем о том, что настоящее Постановление отходит от стандартов справедливого судебного разбирательства, установленных в делах «Салдуз против Турции» и «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» в совокупности, под видом их толкования. Как мы показали выше, применение критерия, установленного в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», относящегося к ситуациям, когда отсутствуют веские основания, не может быть расширено в целях охвата дел, подобных делу «Салдуз против Турции», не отменяя при этом не только вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Даянан против Турции» и другие постановления, вынесенные против Турции (как утверждается в настоящем Постановлении, см. § 144), но и само дело «Салдуз против Турции» и постановления по всем делам, в которых применялся критерий, установленный в данном деле. Настоящее Постановление фактически искажает и изменяет принцип, сформулированный в деле «Салдуз против Турции», и обесценивает право, ранее установленное Европейским Судом.

20. Кроме того, настоящее Постановление ослабляет, если не отменяет прецедентную практику, в которой Европейский Суд установил ряд других условий, подлежащих соблюдению органами власти государств-ответчиков при ограничении

[1] Ни в деле «Салдуз против Турции», ни в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» и, насколько нам известно, ни в каком-либо ином деле ситуации, в которых право на адвоката было ограничено ввиду веских оснований, не были подразделены на подкатегории в зависимости от рассматриваемого правового контекста.

гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции, включая право на доступ к адвокату: во-первых, ограничение не должно разрушать или уничтожать саму сущность соответствующего права, предусмотренного статьей 6 Конвенции[1]; во-вторых ограничение, как правило, может быть введено, если оно преследует правомерную цель[2]; в-третьих ограничение должно быть разумно соразмерно преследуемой цели[3]. Иными словами, в настоящем деле Большая Палата Европейского Суда заняла позицию, согласно которой право на справедливое судебное разбирательство сохраняется даже в ситуации, когда отсутствие веских оснований для ограничения права на доступ к адвокату (то есть отсутствие правомерной цели) совпадает с наличием общего и обязательного законодательного ограничения или полного отказа в праве на доступ к адвокату (то есть даже при разрушении самой сущности указанного права), даже если это происходит на критически важной стадии производства по уголовному делу (такой как первый допрос в полиции) и если показания, данные в полиции при таких условиях, используются для осуждения заявителя (очевидно, при полном игнорировании соразмерности). По мнению наших коллег (см. § 144 настоящего Постановления), все указанные выше факторы в конкретном деле могут быть уравновешены некоторыми иными процессуальными гарантиями, и справедливость судебного разбирательства в целом может быть сохранена в рассматриваемом деле (см. *a contrario* упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», § 58).

21. Очевидно, такое сакральное понимание оценки общей справедливости (см. § 147 настоящего Постановления) согласуется с функцией Европейского Суда, которая заключается не в вынесении абстрактных постановлений и не в гармонизации различных правовых систем (см. *ibid.*, § 148). По нашему мнению, неправильно полагать, что установление нарушения статьи 6 Конвенции на основе любой оценки, отличной от оценки общей справедливости, равнозначно абстрактному пересмотру закона (см. *ibid*, § 8). На наш взгляд, также неправильно утверждать, что государства не будут вынуждены гармонизировать свои правовые системы только в том случае, если Европейский Суд проводит оценку общей справедливости. Также неверно относиться к автоматичности, установленной в деле «Салдуз против Турции», как к разработке обязательного правила единообразного применения. В деле «Салдуз против Турции» право на юридическую помощь в период содержания под стражей установлено как подразумеваемое право в соответствии с Конвенцией, и государствам предоставлена возможность самостоятельно находить способы осуществления данного права[4]. Несомненно, что государства – члены Совета Европы постоянно приспосабливают свои системы к стандартам Конвенции[5], но при этом они могут свободно выбирать наиболее эффективные средства, если избранная система не противоречит принципам, изложенным в Конвенции[6]. Как пояснил Европейский Суд в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства»[7], не должно быть каких-либо концептуальных раз-

[1] В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Хини и Макгиннесс против Ирландии» (Heaney and McGuinness v. Ireland) (жалоба № 34720/97, § 58, *ECHR* 2000-XII), Европейский Суд подчеркнул, что «вопросы общественного интереса не могут оправдать меры, которые уничтожают саму сущность прав заявителя на защиту, включая право не свидетельствовать против самого себя, гарантированное статьей 6 Конвенции» (см.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии» (Jalloh v. Germany), жалоба № 54810/00, § 97, *ECHR* 2006-IX). См. также Постановление Европейского Суда по делу «Геглас против Чешской Республики» (Heglas v. Czech Republic) от 1 марта 2007 г., жалоба № 5935/02, § 87, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02, § 93 (См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (*примеч. редактора*)). Представляется, что вопрос о сущности права был предусмотрен в качестве гарантии от избыточного учета факторов общественного интереса).

[2] См. также Постановление Европейского Суда по делу «Костовски против Нидерландов» (Kostovski v. Netherlands) от 20 ноября 1989 г., § 44, Series A, № 166.

[3] См. в контексте права на доступ к суду Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уайт и Кеннеди против Германии» (Waite and Kennedy v. Germany), жалоба № 26083/94, § 59, *ECHR* 1999-I.

[4] Действительно, реформы порядка оказания юридической помощи в период содержания под стражей в Европе, инициированные Постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салдуз против Турции», значительно отличались в правовых системах разных государств.

[5] См.: *Hodgson J.* Suspects, Defendants and Victims in the French Criminal Process: The Context of Recent Reform // 51 International and Comparative Law Quarterly (2002), p. 782; I. Motoc and I. Ziemele (eds.). The Impact of the *ECHR* on Democratic Change in Central and Eastern Europe: Judicial Perspectives (Cambridge, Cambridge University Press, 2016).

[6] Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Таске против Бельгии» (Taxquet v. Belgium), жалоба № 926/05, § 83, *ECHR* 2010 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (*примеч. редактора*)).

[7] Хотя для Европейского Суда важно учитывать существенные различия в правовых системах и процедурах, в том числе разные подходы к допустимости доказательств в уголовных производствах, в конечном счете, он должен применять один и тот же стандарт пересмотра в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, независимо от правовой системы, из которой исходит соответствующее дело (см.: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Хавайя и Тахири против Соединенного Королевства» (Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom) от 15 декабря 2011 г., жалобы №№ 26766/05 и 22228/06, § 130).

ногласий при уважении «существенных различий в правовых системах и процедурах», но при соблюдении одних и тех же стандартов Конвенции.

F. ВЫВОД

22. В целом, мы считаем важным проводить различие между *системными* недостатками и *отдельными* недостатками, которые имеют место в конкретных делах вследствие целевых и обусловленных контекстом ограничений (например, в делах, связанных с терроризмом) или вследствие ошибок и недостатков по отдельным делам. Европейскому Суду не следует рассматривать общую справедливость дела отдельного заявителя при наличии системного запрета, затрагивающего любое лицо, которое может находиться в положении заявителя, и в отсутствие какой-либо оценки со стороны соответствующих органов государств-ответчиков.

23. Формулировка исключения предельно ясна: любое отступление должно быть оправдано вескими основаниями, связанными с острой необходимостью предотвращения угрозы жизни или физической неприкосновенности одного или нескольких лиц. Кроме того, любое отступление должно соответствовать принципу соразмерности, который подразумевает, что компетентный орган в любом случае должен выбрать такую альтернативу, которая в наименьшей степени ограничивает право на доступ к адвокату, и должен максимально сократить продолжительность срока применения ограничения. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда отступления не могут быть основаны исключительно на виде или степени тяжести преступления, и любое решение об отступлении требует оценки со стороны компетентного органа в каждом конкретном случае. Наконец, отступления могут быть разрешены только на основании мотивированного решения судебного органа.

24. Европейский Суд должен строго подходить к общему запрету права на юридическую помощь, в противном случае мы столкнемся с противоречием общему направлению, заданному как прецедентной практикой Европейского Суда, так и законодательством Европейского союза.

25. Дело «Салдуз против Турции» привело к существенным изменениям прав на справедливое судебное разбирательство, решительно указав, что любое ограничение права на доступ к адвокату должно носить исключительный характер и быть обоснованным: «Пункт 1 статьи 6 Конвенции требует, как правило, чтобы доступ к помощи адвоката был предоставлен с момента первого допроса подозреваемого в полиции» и чтобы, как уточняется в деле «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», «ограничение доступа к юридической помощи допускалось только в исключительных случаях, имело временный характер и было основано на индивидуальной оценке конкретных обстоятельств дела». В этом отношении настоящее Постановление представляет собой достойную сожаления контрреволюцию: оно отменило требование «*как правило*», которое уже было воспроизведено в более чем 100 постановлениях, широко известных как «судебная практика на основе дела “Салдуз против Турции”», и существенно принизило его значение в ущерб процессуальным гарантиям.

26. Кроме того, настоящее Постановление вызовет недовольство государств – членов Совета Европы, которые к настоящему моменту уже внесли изменения в свое внутреннее законодательство и правоприменительную практику, чтобы в максимальной степени учесть ранее вынесенное постановление Европейского Суда[1]. Дело «Салдуз против Турции» также обусловило и в значительной степе-

[1] Дело «Салдуз против Турции» привело или как минимум положило начало реформам порядка оказания юридической помощи в период содержания под стражей в таких странах, как, например, Франция, Бельгия, Шотландия, Ирландия и Нидерланды – страны, которые длительное время возражали против полного осуществления права на доступ к адвокату при допросах в полиции. Например, в деле «Каддер против адвоката Ее Величества» (Cadder v. Her Majesty’s Advocate) ([2010] UKSC43) Верховный суд Соединенного Королевства изучил законодательство Шотландии в части, касающейся ограничений доступа к адвокату. Хотя уголовно-правовая система Шотландии предоставляет обвиняемым различные средства защиты, которые порой даже выходят за рамки средств защиты, предоставляемых в других системах, Верховный суд Соединенного Королевства постановил, что данные средства защиты не компенсируют отсутствие права пользоваться юридической помощью перед допросом: «Право на доступ к адвокату, которое подразумевается в целях защиты права, лежащего в основе понятия “справедливое судебное разбирательство” в соответствии со статьей 6 Конвенции, само должно составлять указанную основу. По этой причине отсутствует малейшая возможность того, что Европейский Суд установит соответствие закона Шотландии пункту 1 и подпункту “c” пункта 3 статьи 6 Конвенции в силу иных гарантий, которые он предоставляет обвиняемым, поскольку в системе Шотландии отсутствует данная гарантия, которую Комитет по предупреждению пыток считает “фундаментальной”, и допросы подозреваемых регулярно проводятся при отсутствии у них права на предварительную консультацию с адвокатом. Страсбург высказался по этому вопросу: суды данного государства не имеют реального выбора, кроме как применять разработанный закон» (см. *ibid.*, § 93). Верховный суд Соединенного Королевства дошел до того, что заявил: «нет никакой возможности для уклонения от Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салдуз против Турции”» (см. *ibid.*, § 50). Вот каким образом наши коллеги во внутригосударственном суде поняли и истолковали Постановление по делу «Салдуз против Турции»: «Вывод, который я хотел бы сделать в отношении последствий Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу “Салдуз против Турции”, заключается в том, что Договаривающиеся Государства обязаны организовать свои системы таким образом, чтобы гарантировать заключенному под стражу лицу доступ к помощи адвоката перед его допросом в полиции, за исключением случаев, когда в конкретных обстоятельствах дела имеются веские основания для ограничения данного права» (см. *ibid.*, § 48).

ни вдохновило принятие ряда мер на уровне Европейского союза, в частности, Стокгольмской дорожной карты по усилению процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в уголовном производстве, включая Директиву 2013/48/ЕС о праве на доступ к адвокату в уголовном производстве и в производстве по европейскому ордеру на арест. Значение указанной директивы состояло в том, чтобы гарантировать более надежную защиту процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых в уголовном производстве[1]. Она была направлена на усиление принципов, сформулированных в деле «Салдуз против Турции», путем их разъяснения в целях обеспечения их практической эффективности, тем самым применяя не ограничительное, а расширительное толкование прецедентной практики Европейского Суда.

27. Кроме того, следует отметить, что Бельгия является одним из тех государств, которые приняли новое законодательство в ответ на дело «Салдуз против Турции». Сегодня, примерно девять лет спустя, Большая Палата Европейского Суда объясняет Бельгии, что она вправе ослабить меры защиты, установленные в ответ на предыдущее постановление Европейского Суда, по-видимому, Бельгия и другие государства – члены Совета Европы слишком поспешно исполнили Постановление по делу «Салдуз против Турции».

28. Наибольшее беспокойство вызывает тот факт, что такой неутешительный радикальный сдвиг происходит в сфере процессуальных прав, которые лежат в основе принципа верховенства права. Как говорил Плутарх, сад, часто пересаживаемый, плода не приносит.

[1] См. Резолюцию Совета Европейского союза от 30 ноября 2009 г. «О дорожной карте по усилению процессуальных прав подозреваемых или обвиняемых в уголовном производстве» (OJ № C295/1, 2009, пункт 2 Преамбулы).